

18+

Людмила Лапина

Столица Российской империи: Эпохи и стили от готики до неоготики XVII – XIX века

очерки

Людмила Лапина

**Столица Российской
империи: Эпохи и стили
от готики до неоготики
XVII—XIX века. Очерки**

«Издательские решения»

Лапина Л.

Столица Российской империи: Эпохи и стили от готики до неоготики XVII—XIX века. Очерки / Л. Лапина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905634-4

Книга включает обширный исторический материал, посвящена 315-летию Северной столицы России на берегах Невы от основания Санкт-Петербурга до революций 1917 года

ISBN 978-5-44-905634-4

© Лапина Л.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1	8
Глава 2	23
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ	23
БАРОЧНЫЕ ДВОРЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТРЕЛЬНЕ	36
Путевой дворец	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Столица Российской империи:
Эпохи и стили от готики
до неоготики XVII—XIX века
Очерки
Людмила Лапина**

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4490-5634-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербург основан в 1703 году и возведен на плоской равнине, называемой Приневской низменностью. Эта местность лежит по обоим берегам реки Невы, в ее дельте, и при-мыкает к Финскому заливу Балтийского моря. Будущая территория Санкт-Петербурга и его окрестностей изначально являлась низменностью с обилием заболоченных мест, но попадались и более возвышенные участки, переходящие в небольшие холмы.

В эпоху последнего оледенения здесь стояли воды приледникового водоема – Древнебалтийского моря. Медленно, но неотвратимо это море мелело, а суша поднималась. Поднимается она и в наше время в связи с тектоническими процессами, происходящими в земной коре. Море обмелело и ушло отсюда около 4,5 тысяч лет назад – совсем недавно с геологической точки зрения, ведь эта наука оперирует периодами в миллионы лет. Древнебалтийское море оставило после себя Приневскую низменность.

Рельеф Санкт-Петербурга можно поделить на две разные части – низменную, образовавшуюся на месте древнего моря, и более высокую, материковую. В древности это был берег Древнебалтийского моря. Граница этих рельефов проходит в центре современного города по проспектам Литейному, Суворовскому и району «Пески». Царь Петр I раздавал участки членам своей семьи по современной Шпалерной улице. Земли здесь получили любимая родная сестра Петра Наталья Алексеевна, первенец царевич Алексей, невестки – вдовы старших братьев Федора Алексеевича и Иоанна Алексеевича.

Эти высокие места не затопляемы при любых, даже катастрофических наводнениях 1724, 1824, 1924 годов. Наводнения случались ужасные – быстро поднимающаяся, гонимая сильным западным ветром вода достигала доисторических берегов древнего моря. Границы больших наводнений и бывшего моря совпадают.

Река Нева, на которой уже четвертый век стоит город Санкт-Петербург, соединяет озеро Ладогу – самое большое озеро Европы – и Финский залив Балтийского моря. Река Нева молодая и короткая, не достигает в длину и 100 километров, а всего – 74. Но эта, одна из самых мощных рек Европы, несет в Балтийское море воды обширного внутреннего бассейна – Ладожского озера и впадающих в него 35 рек (самые крупные – Паша, Оять, Свирь, Тосна).

Нева геологически – весьма молодая река. Возраст ее можно определить от 2,5 до 4 тысяч лет. Возникла она на месте ледникового водоема. Охта и Тосна, реки, протекающие тут, гораздо старше. Дельта Невы с островами, разделяющими ее на рукава, возникла не из-за выноса в залив песка и ила, как обычно возникают дельты могучих рек с быстрым течением (Нил, Миссисипи, Амазонка), а из-за поднятия суши в этом районе. Изначально Нева – широкий пролив, соединявший Финский залив и Ладожское озеро. Материк Евразия поднимался в связи с подвижками земной коры, пролив сужался и превращался в реку. Жившие здесь люди были свидетелями образования реки и формирования ее дельты. В XIII веке название реки произносили по-разному. Шведы: «Ну», русские: «Новая», норвежцы: «Нюйя». Дого-воры Великого Новгорода с немецкими городами называют эту реку так же – Новая. Назва-ние «Нева» произошло от древнего наименования Ладожского озера – Нево-озеро. До XVIII века восточная часть Финского залива именовалась Котлино озеро. Окрестности будущего города Санкт-Петербурга, территория дельты Невы были много раз нанесены на карты XVI-XVII веков, русские и иностранные. Первая общая карта Русского государства со столицей в Москве подробно изображает этот район.

Санкт-Петербург был столицей России около двухсот лет. За это время в нем появились постройки, олицетворяющие его столичный статус. Они возведены в разных стилях, начиная с петровского барокко. Но стиль и характер эпохи создают люди: их характеры, поступки, собы-

тия, в которых они принимают участие. Жизнеописания современников складываются в биографию эпохи.

Основным стилем средневековых столиц западной Европы была готика. Позже, в XVI веке, готику сменили классицизм – работы Андреа Палладио (1508—1580) и его последователей – и барокко. Город Санкт-Петербург начинал строиться в стиле барокко, но на его будущей территории в XVII веке существовал типичный средневековый город с готическими постройками. Это был город Ниен, выросший у крепости Ниеншанц.

Глава 1

УТРАЧЕННАЯ ГОТИКА НИЕНА

На пути в Финский залив широкая река Нева делает величавую излучину. На ее левом берегу высится гармоничное бело-голубое здание, возведенное Ф. Б. Растрелли – Смольный собор. На другом берегу, там, куда выводит шумную транспортную магистраль длинный мост Петра Великого, до недавнего времени находились полуразрушенные краснокирпичные постройки. Это был Петровский завод (Петрозавод) в устье реки Большой Охты. История Отечества сохранила память о двух крепостях, построенных в устье Охты при ее впадении в широкую Неву. Было это задолго до появления на этих землях города Санкт-Петербурга – столицы Российской империи.

1300 год. Шведы уже построили замок Выборг (1293) в устье Вуоксы при ее впадении в Финский залив – плацдарм для наступления на восток Руси. Теперь захватчики рвутся вверх по Неве к Ладоге. Они срочно закрепляются на берегах Невы и возводят крепость на мысу, вдающемся в полноводную Нюю (Нева по-шведски). Место для укрепления выбрано удачно. Даже когда вода в Неве поднимается выше 4 метров, это место остается сухим. Когда могучей реки Невы еще не существовало, здесь был берег Древнебалтийского моря. Нева – молодая по геологическим меркам река. Когда случались большие наводнения, Древнебалтийское море пыталось вернуться в свои границы. Вода поднималась выше четырех метров, но мыс при впадении речки Охты в широкую Неву никогда не бывал затопленным. Это место было создано самой природой для мощной крепости.

Удачное место оценили шведы. Их предводитель Торкель (Торгильс) Кнутссон мечтал повторить успех, сопутствовавший ему при основании Выборга. «Хроника Эрика» так описывает начало этого похода:

...Торгильс Кнутссон собрался в поход
от имени конунга. В ледунг вошли
лучшие лодки и корабли.
Язычников конунг хотел проучить
и город Ландскруна велел заложить.
Воинов одиннадцать сотен собрали.
Поплыли из Швеции в дальние дали.

В мае 1300 года по Неве поднялись шведские суда. Это была огромная флотилия, армада – 111 больших морских кораблей. Их цель – захватить и контролировать мощную водную артерию. Устье реки Охта, правого притока Невы, оказалось прекрасным местом для закладки укрепления. «Хроника Эрика» повествует:

Между Невою и Черной рекою
Крепости быть с высокой стеною.
На мысе, где рек сливались пути.
Лучшего места им не найти.
С юга в залив Нева протекала,
А с севера Черная речка впадала.

Шведы звали Неву «Нюйя» или «Ниен», а «Черной речкой» они, предположительно, называли Охту. После нескольких схваток с местным населением захватчики отвоевали место для своего укрепления. Новая, возведенная за одно лето крепость получила гордое шведское имя «Ландскрона» – корона или венец земли. Русский летописец зафиксировал: «Похвалившиеся оканьнии нарекоша его Венец земли».

Римский папа Бонифаций VIII (1294—1303) благословил католиков-шведов на крестовый поход против язычников, какими они считали крещенных карел. Католики с подозрением относятся к православной ветви христианства. Новгородская летопись так сообщает про новую шведскую крепость: «...утвердиша твердостию несказанною... из велиаго Рима от папы мастер приведоша нарочит». Так возникла мощная цитадель, спроектированная искусным иноземным архитектором-католиком. У нее были крепкие деревянные стены, каменые орудия (требушеты) и дополнительная защита – две линии укреплений – земляной вал и ров, прорытый между Невой и Охтой шириной 20—25 метров. «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями и бойницами» – читаем в «Хронике Эрика». Археологические исследования, проведенные в 2008 году, позволяют предположить, что шведы построили типичный для раннего периода средневековья европейский замок в его первоначальной модификации – из дерева и с квадратными башнями.

Основные шведские силы отправились домой, оставив для обороны крепости отряд численностью около тысячи воинов. «Хроника Эрика» сообщает, что возглавил их господин Стен.

В новгородской летописи 1300 года о захватчиках написано: прибыли «свеи в силе велице». Шведы на берегах Невы вели себя как в завоеванных землях: грабили, убивали местное население, жгли деревни. Все население – и русские, и местные нерусские племена – поднялось на борьбу с захватчиками и осадило Ландскрону.

Новгородцы, использовавшие Неву как водный путь для торговли с Западом, не собирались терпеть шведское вторжение на берега Невы. Узнав о закладке Ландскроны, они собрали в ополчение более тысячи воинов и выступили против захватчиков. Навстречу новгородскому ополчению к Ладожскому озеру выдвинулся отряд шведов численностью 800 человек. Русские ладьи подошли к истоку Невы. Шведы, высадившиеся на Ореховом острове, предпочли не вступать в бой с новгородцами и отступили в свою новую крепость. Там у причала стоял флот захватчиков. Русские решили уничтожить его и лишить шведов возможности отступления по морю. Они попытались сжечь шведские суда – построили плоты, нагрузили их хворостом, подожгли и пустили по течению Охты. Но шведы перегородили речку железной цепью и спасли свои суда от огненной атаки.

Не больше успеха имел и предпринятый русскими на следующий день штурм крепости Ландскрона. Шведы отбили все атаки новгородцев. Им пришлось отступить от стен Ландскроны через ров в поле. Ночью русское ополчение вернулось в Великий Новгород. Нева, важная торговая артерия, осталась за шведами. Только силой оружия можно было вернуть эту мощную торговую магистраль обратно под контроль Новгорода. Шведы тяжело пережили зиму – недоедание и цинга ослабили гарнизон крепости. В «Хронике Эрика» запечатлены душераздирающие подробности:

Случалось, когда за столами сидели,
Пили настои на травах и ели,
Их зубы со стуком на стол выпадали.
Живыми остаться смогли бы едва ли.
Многих убили беды такие,
Дома умерших стояли пустые.

Решающая битва за Ландскрону произошла на следующий год. Весной 1301 года вновь собранное новгородское ополчение, усиленное ладожскими полками, под предводительством великого князя владимирского и новгородского Андрея Александровича подступило к шведской крепости. Новгородцы бились самоотверженно. Шведы защищались отчаянно. Князь Андрей оказался достойным воинской славы своего великого отца Александра Невского. Штурм продолжался и днем и ночью в течение нескольких суток. Победа далась новгородцам тяжело, но Ландскрону разрушили до основания, срыли даже крепостной холм, на котором она

стояла. Запись в новгородской летописи от 1301 года: «и бысть ни во что же премудрость их и граднаа их крепость». Так Великий Новгород вернул себе выход к Балтийскому морю.

И в XIV, и в XV веках на месте снесенной крепости жили люди – ремесленники, торговцы, лоцманы. Археологи нашли здесь белостенную керамику XIV–XVI веков типично новгородской работы. В конце XV века маленькие селения превратились в небольшой город – «сельцо на Усть Охты на Неве». Писцовая книга 1500 года сообщает, что в этом сельце были 15 дворов, принадлежащих непашенным людям, то есть не крестьянам. Они занимались торговлей, и торговля эта процветала.

Комендант Выборгского замка Ролов Матсон побывал здесь в 1521 году и описал свои наблюдения в докладе шведскому королю Христиану (Кристиану) II Датскому (1513—1523). Комендант Выборга назвал город на правом берегу Невы маленьким, но хорошо известным торговым центром. Купцы с других берегов Балтийского моря привозили сюда соль, сукно. Товары перегружали с морских судов на суда поменьше, и местные лоцманы проводили их вверх по течению могучей Невы через невские пороги, в реку Волхов (Волк) по-шведски. Так заморские товары попадали в Новгород и далее, в глубину русской земли. В период опричнины и военных столкновений со Швецией (1570—1590 годы) процветающее торговое поселение было разорено, но уже к концу XVI века здесь существует русское поселение Невское Устье. Жители его занимались ремеслом и торговлей.

В 1610 году интервенты-шведы по приказу их предводителя Якова (Якоба) Делагарди захватили здесь два судна с солью и из складов несколько тысяч бочек соли. После 1617 года Яков Делагарди получил за службу от шведского короля Густава Адольфа поместье на Васильевском острове. Отцом Якова был знаменитый шведский полководец Понтус Делагарди, совершавший походы в приневские земли Великого Новгорода в 70-е годы XVI века. Имя Понтуса Делагарди сохранилось в некоторых местных топонимах: Понтусова гора в Токсове. На ее вершине долго сохранялись оплывшие земляные валы шведской постройки. Еще столетие назад жители Токсова могли видеть в окрестных болотах остатки старинных гатей, проложенных шведами еще Смутного времени. Понтусова крепость – так называются развалины крепости у современного поселка Первомайское. Севернее нынешнего поселка Репино находилось болото Понтуса. Местные предания повествуют, что через него проходила дорога, проложенная по приказу Делагарди для передвижений шведской армии.

Вернемся на Охтинский мыс. Подробные сведения о поселении и торговле на этом историческом месте можно найти в «Записной книге сбора таможенных пошлин» в Невском устье за 1615 год. В мае этого года подьячий Афанасий Бражников

Вспомним, что на Руси немцами, то есть, немymi, не говорящими по-русски, называли всех иностранцев.

Следующая по времени крепость, наследница Ландскроны, на этом месте была возведена тоже шведами в 1611 году и называлась Ниеншанц (Невское укрепление). Русские называли его Канцы (от шведского сканец – маленькая крепость, земляное укрепление), финны – Неванлинна, немцы – Ниеншанц. Это название в начале XVIII века вошло и в русский язык. Первоначально гарнизон Ниеншанца 1611 года составлял 500 человек, «чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны». Крепость Ниеншанц воздвигнута на берегу реки Малой Охты. Есть сведения, что заложена она под руководством Якова Делагарди. Посад, а позднее город Ниен располагался напротив крепости на берегу Большой Охты. В военном архиве Стокгольма хранится план 1644 года. Это план крепости и нового города, созданный побывавшим на охтинском мысу шведским инженером Георгием Швенгелем. Он начертил и проект дальнейшего развития крепости и города, но замыслам этим не суждено было осуществиться.

Нам известен план крепости, созданный в 1681 году. Он выглядит как пятиугольник с двумя рavelинами. Бастионов было пять. Они назывались: Карлов (в честь шведского

короля), Гельмфельтов или Гамельфтов (по фамилии шведского генерал-губернатора Ингерманландии), а так же Гамбле (Старый), Дедхе (Мертвый), Гварн (Мельничный). Кронверк возвели на левом берегу Невы. Кронверк (нем. *Kronwerk*) – так называется укрепление на главном направлении ожидаемой атаки на основную крепость. Это наружное вспомогательное укрепление возводили перед главным валом крепости. Состояло оно из одного бастиона и двух полубастионов на флангах. План такого укрепления имеет вид короны, откуда и произошло название.

В 1632 году шведский король Густав-Адольф (1611—1632) издал указ об основании напротив крепости на другом берегу Охты поселения Ниен (Невский). Население Ниена (русские прозвали его – Канцы) состояло из шведских и немецких переселенцев. Русское население вновь образованной со столицей в городе Нарва Ингерманландии (Ижорской земли) покидало родные места и выезжало в пределы Московского государства. Поселение Ниен создано специально для торговли с Московским государством. Сюда по Балтике доставляли товары из Швеции и Западной Европы. Королева Христина (Кристина Шведская: 1633—1654) в 1638 году разрешила Ниену принимать иностранные суда и отправлять свои в другие города для торговых операций, даровала так называемое «стапельное право». Русские купцы из Ладogi, Новгорода, Тихвина, Москвы могли в Ниене купить товары из Швеции и Западной Европы, продать свои товары или отплыть для торговли в Стокгольм (Стокгольм по-русски). Там в 1637 году возведен Русский гостиный двор для российских купцов. Как мы помним, купцов на Руси называли гостями. Из Ниена в Стокгольм плавали суда, принадлежавшие ладожанам, тихвинцам, сельским жителям погостов Пашского (на реке Паша) и Оятского (на реке Оять). Русские купцы для торговли посещали столицу Швеции и другие ее города – Нарву, Выборг, Або (Турку). Они торговали за границей российскими товарами: мехами, кожей (юфтью), рукавицами, пенькой, льном, салом, восточными тканями.

Через пять лет, в 1642 году, быстро растущему торговому поселению, где жили 470 человек, указом той же шведской королевы Христины (Кристины), дочери Густава-Адольфа, были пожалованы полные права города королевства Швеция. Ниен получил герб, печать и городское самоуправление – магистрат, заседавший в специально построенной ратуше, находившейся, конечно же, на Рыночной площади. В любом западноевропейском городе, большом или маленьком, имелись такая площадь и ратуша, построенная обычно в три этажа в готическом стиле. Готический стиль более чем на полтысячелетие определил облик европейских городов.

Стиль готика распространяется в Западной Европе в XII–XVI веках. Готическая архитектура естественным образом продолжила архитектуру романскую, получившую название от архитектурного стиля, сложившегося в Италии в эпоху раннего христианства (Равенна, Рим). В основе романских построек (X–XIII века) лежит византийский архитектурный опыт, обогативший местные строительные традиции.

В дороманский период (первые века новой эры) в Европе уже сложились основные архитектурные типы сооружений: храмы и общественные сооружения (базилики), монастыри, виллы, замки. Сильно было влияние античной культуры. Архитектура – главный вид искусства на любом этапе развития (кроме первобытного), потому что определяет среду обитания человека. Когда в обществе появляются люди, профессионально занимающиеся строительством, можно уже говорить об архитектурных стилях.

Строительная техника совершенствовалась и в раннем средневековье, что привело к повышению качества строительства. Монахи в монастырях сохранили архитектурную традицию, как и многие другие ремесла. В эпоху Высокого Средневековья основной объем строительных работ переходит от монастырей к цехам каменщиков, соперничающих между собой. Это связано с бурным ростом городов и возведением городских соборов. Готика – городской стиль.

Повышению прочности и устойчивости зданий способствовал переход к каркасным конструкциям сводов уже в романской архитектуре. Ребра сводов (нервюры) возводили из проч-

ного камня, а между ними по опалубке делались легкие заполнения. Каждая из собранных в пучок нервюр продолжалась изящной колонкой с капителью и базой. Так массивные опоры приобретали сложную профилировку, зрительно облегчавшую конструкцию всего здания. С развитием каркасной техники строительства распространяется впауришенный тип свода, основа которого – полуциркульные диагональные ребра. Концентрация нагрузок от сводов на опорные столбы, позволила отказаться от массивных стен, уравнивающих цилиндрический свод здания, и заменить их тонкой стеной. При этом всю тяжесть сводов несли специальные устои (контрфорсы), выведенные за пределы внутренних помещений.

Между романским и готическим стилями трудно провести четкую хронологическую границу. XII век – время расцвета романского стиля, но с 1130 года появляются новые архитектурные формы, положившие начало готике (ранняя готика). Готический стиль в Западной Европе достиг расцвета в XIII веке (высокая готика), угасание стиля пришлось на XIV–XV (пламенеющая или интернациональная готика).

Огюст Шуази писал, что история готической архитектуры есть история нервюры и аркбутана. Как же романская архитектура стала готической?

Основа романского собора – простая клетка, то есть, ячейка, покрытая сводом, так называемая травея. В центральном нефе романского собора каждую травею перекрывал массивный крестообразный свод, опирающийся на четыре массивных столба, поэтому внутри романские храмы представляли собой лес колонн (как храмы Древнего Египта). Травеи были квадратными, поэтому неф собора не мог расширяться бесконечно. При такой системе перекрытий внутренние помещения собора были узкими и темными, но зодчие средневековья облегчили систему сводов и заменили сплошные корытообразные своды реберными перекрытиями – системой несущих арок. Травеи вытягиваются в длину, и центральный неф становится широким. Полукруглая арка уже не перекрывает такую, вытянутую травею, и возникает стрельчатая арка, знаменитая готическая нервюра. Звездообразно перекрещивающиеся нервюры в интерьере соборов и замков опираются на пучки узких длинных колонн, похожих на трубы органа. Они возносятся на головокружильную высоту, и там плавно расходятся, соединяются, почти сливаются с арками.

Остроконечная арка, опирающаяся только с двух сторон на пучки столбов, была бы, в отличие от полукруглой, неустойчивой. Чтобы укрепить ее, понадобилось уравновесить силу распора и силу тяжести. Эту работу выполняют вынесенные за пределы зданий мощные контрфорсы и аркбутаны – перекидные арки, связывающие пятую свода и внешние опоры. Аркбутаны принимают на себя внешнее диагональное давление. Виоле ле Дюк, архитектор XIX века, реставрировавший собор парижской Богоматери, считал, что средневековые зодчие с гениальной интуицией применили закон параллелограмма сил. Вся сказочная воздушность готического строения имеет рациональную основу, и это еще одна загадка ментальности средневековых людей. Готическое здание представляет лишь каркас, скелет здания из стрельчатого свода, аркбутов и контрфорсов. Стена же, как таковая ничего уже не несет, не держит, она лишняя в этой конструкции. Стены заменяют сквозные галереи, аркады, огромные окна. В галереях устанавливают статуи, а окна становятся оправой для монументальной живописи из цветных стекол, (витражей) дающих изумительный эффект сияния густых красок. Воздействие этих цветных пятен, красных, синих, лиловых и желтых, усиливается пронизывающими их лучами солнца. Средневековые художники страстно любили чистые звучные краски витражей, скульптуры или миниатюр иллюминированных рукописей. Философ XIII века монах Фома Аквинский назвал «яркость и ясность» главными признаками красоты. «... мы называем красивыми те предметы, которые окрашены ярким цветом», – говорил он.

Основной строительный материал готики – камень. Из него выкладывают массивные устои и тонкие прочные нервюры сводов, вырезают богатейший скульптурный декор фасадов, тонкие ажурные переплеты окон и «розы» (крупное световое отверстие главного нефа

собора). На севере Европы использовали кирпич («краснокирпичная готика»). В формировании объема готического собора главное внимание уделялось центральному нефу. Он строился высоким, просторным. Для лучшего освещения интерьера собора пришлось отказаться от верхних ярусов боковых нефов. Полностью обнажились конструкции аркбутанов. Широкие оконные проемы заполнили цветные витражи. Эмоционально напряженной пластике готических фасадов противопоставлена относительная простота обработки интерьеров собора. Их главное украшение – сложный причудливый рисунок нервюр свода. В тесной застройке средневековых городов соборы открывали взорам прихожан только западный фасад. Это связано с символикой христианского храма как части высшего, горнего мира, сошедшего на землю. В западном фасаде собора был устроен вход, портал, ведущий в сакральное пространство собора. Портал обычно фланкировался двумя высокими башнями. Эти башни, как ориентиры, указывают путь к собору в тесноте городских улочек. Строились готические соборы долго. Вот почему некоторые из них имеют башни разной высоты и даже разной формы.

Родина готики – северная Франция, где этот архитектурный стиль называют «оживаль», то есть стиль стрельчатых арок. Крупнейшие сооружения ранней готики Франции – соборы, посвященные Богородице, Богоматери (Нотр-Дам) в Париже и Шартре. Они строились почти одновременно. Собор Парижской Богоматери (1163—1250) – пятинефная базилика длиной 129 метров. Высота среднего нефа 32 метра, высота башни над средокрестием (центр собора) 69 метров. На западном фасаде еще достаточно сильно выделены горизонтальные членения, башни портала остались незавершенными.

Собор в Шартре (1194—1260) перестроен из сгоревшего романского храма. Он сохранил форму базилики. Общая длина здания – 135 метров, высота его главного нефа – 34 метра. В соборе сохранились изумительные витражи тринадцатого века и каменная скульптура. В XII – XIII веках собор в Шартре был центром культа «Черной Мадонны» или «Черной Богородицы», олицетворяемой статуей черного дерева. Тамплиеры, побывавшие в крестовых походах, занесли этот культ в Европу с востока. До сих пор в крипте собора Шартра хранится деревянная статуя Черной Мадонны работы неизвестных мастеров XVIII века.

Классические примеры готики – соборы Реймса и Амьена. Реймский собор, традиционное место коронования французских королей, вытянут на 140 метров, высота его центрального нефа – 38 метров. Интерьер собора хорошо освещен через оконные витражи, архитектурные детали украшены растительным орнаментом. Фасад его, в отличие от ранних сооружений готики, устремлен ввысь. Сохраняются три части фасадной поверхности, но элементы ее убранства выходят за пределы членения «своих» ярусов.

Собор в Амьене, близкий по плану предшествовавшим соборам, имеет высоту центрального нефа уже 42 метра.

Стилистические особенности готики складывались в эпоху, завершающую развитие средневекового европейского искусства, синтезированного в архитектуре соборов, где средствами ритмического членения поверхностей, скульптурой, цветными витражами, музыкой, создавалось архитектурное пространство, исключительное по силе эмоционального воздействия на человеческую психику. В период готики скульптура и живопись еще не выделились в самостоятельные виды искусства – это произошло в эпоху Ренессанса, но живописные работы и крупная пластика уже отличаются высоким мастерством и экспрессией образов. Предметы церковного обихода, мебель, книжная миниатюра выполнены искусно и поражают красотой. Струящиеся формы скульптур, арок, переплетов, обилие тонких вертикальных членений на фасадах соборов и гражданских зданий продиктованы не только экзальтированной средневековой эстетикой, но и практическими соображениями: на таких формах не задерживается вода от дождей и талого снега – главных врагов любой каменной конструкции. Нередко крыши соборов возводили раньше, чем арочные и сводчатые завершения.

Ратуша – типичная постройка средневекового города, здание для общественных нужд. На территории будущего Санкт-Петербурга, в средневековом шведском городе Ниен, были возведены готические постройки: церкви и ратуша. Обычно к первому этажу здания городского самоуправления (ратуши) пристраивали открытые аркады. В них размещены торговые лавки. Второй этаж занимал капитул – зал заседаний городского совета. В третьем этаже расположены склады. Крыша высокая, остроконечная, крытая черепицей. Такая форма крыши особенно актуальна для нашего северного климата – осадки (снег, дождь) не задерживаются на резко уходящей вниз поверхности. К ратуше, увенчанной флюгером, примыкала сторожевая башня с набатным колоколом – символ независимости города. Иногда на такой башне размещались часы – население города ценит свое время. Городской совет Ниена состоял из 48 человек и контролировал соблюдение правил честной торговли. Для этого в ратуше имелись образцовые весы и гири. Герб и печать нового города изображали льва с мечом в правой передней лапе. Геральдический зверь государственного герба Швеции стоит между двумя потоками (Нева и Охта). Горожане получили на ближайшие шесть лет освобождение от налогов и повинностей.

Ниен, новый шведский город растет быстро. До получения городских привилегий многие его жители были выходцами из Финляндии и Швеции и занимались, преимущественно, ремеслом. Ремесленники объединялись в цеха, как в Западной Европе (например, в Париже к XIII веку существовало 200 таких объединений). До 60 ремесел процветало в Ниене, в том числе и настройщик органов, работавший в протестантских церквях и кирхах. Среди шведов были и серебряных дел мастера, и изготовители люстр. В финской церкви Стокгольма до сих пор хранятся несколько люстр и «два тяжелых увесистых колокола», вывезенные в 1702 году из Ниена, и, возможно, сделанные там же местными мастерами.

Немецкие купцы из Прибалтики поехали сюда после 1642 года. Вскоре немцы составили большинство горожан с собственной приходской церковью. Языком администрации города стал немецкий. Например: «Rathaus; Ратхаус» по-немецки – дом городского совета, «ratman; ратман» – член городского совета. На службе у горожан был и палач, исполнявший приговоры городского суда. Самые высшие городские чиновники (бургомистр, секретарь) были шведами. Жили здесь и голландцы, и англичане.

Повседневная жизнь города Ниена известна нам из старинных карт, пояснений к ним и воспоминаний современников. С 1617 года, с заключения Столбовского мира, невыгодного России, шведские короли уделяли большое внимание картографированию новоприобретенных земель. Сейчас эти карты хранятся в стокгольмском военном архиве, а в 1825 году 2000 землемерных карт Ингерманландии переданы России. План, начертанный Швенгелем в 1644 году, сохранил названия трех городских улиц – Конунгсгатан, Меллангатан, Виборгскагатан – Королевская, Средняя, Выборгская, и улицы эти были широкими.

Каменных домов почти не было. Жилые дома, рубленные из дерева или возведенные в технике фахверк, составили длинные прямые ряды. Техника фахверк: фундамент дома выкладывается из камня, делается деревянный каркас из связанных между собой стоек, балок и раскосов. Заполняющие каркас стены строят из камней, саманных кирпичей или просто из глины, потом белят, а деревянную основу красят в контрастный белому цвет. Облик таких средневековых городов запечатлели западноевропейские художники XV-XVII веков. Ниен и был таким типичным средневековым западноевропейским городом. Центр его располагался на берегу Охты у впадения ее в Неву. Строились церкви, как лютеранские, так и православные. Мы знаем, где они размещались. Через город протекала еще одна речка – Малая Черная (Малая Охта), делившая город пополам. Три моста, перекинутые через нее, соединяли две половины Ниена – северную и южную. На северном берегу раскинулась Рыночная площадь с ратушей, портом, госпиталем с большим садом и немецкой церковью. Ее смотрителем был Хинрик Люр, купец и ратман, бежавший в 1702 году из Ниена в Гельсингфорс, потом в Або

и в Стокгольм (1711 год). Он и вывез из церкви Ниена люстры и колокола, до сих пор пребывающие в столице Швеции.

Каменная шведско-финская церковь разместилась на южном берегу. К ней примыкали усадьба пастора и здания школы. В конце XVII века Ниен мог бы стать не только богатым торговым, но и университетским городом. Шведский король Карл XII (1697—1719) разрешил основать здесь университет. Население Ниена к началу Северной войны превышало 20 000 человек.

Православный приход на левом берегу Невы создан в тридцатые годы XVII века. Его прихожане – жители села Спасского и земледельцы из окрестных маленьких деревенок. Православная деревянная церковь для русского населения предместья Ниена находилась примерно там, где сейчас стоит Смольный собор. Это было село Спасское (Спасский погост, Ниенский приход). Жили здесь выходцы из Новгорода и крещенные в православие ижоры, принявшие русский язык и образ жизни. Количество дворов доходило до тысячи. Дома были привычными русскими деревянными избами с курными (без дымохода) печами. Дым выходил через волоковые окна – небольшие, вырубленные в двух смежных бревнах оконца. Изнутри они закрывались (заволакивались) доской – тесовой задвижкой. Во время русско-шведской войны 1656—1658 годов, когда крепость Ниеншанц была взята и сожжена войсками Петра Ивановича Потемкина, местное население партизанской войной поддержало русские войска. Многие отступили через границу с русскими войсками. В первой половине 1658 года все завоеванное русскими пришлось вернуть шведам. Последовала карательная экспедиция шведов против оставшихся в своих домах жителей села Спасского. Их похоронили у стен местной церкви (позднее, в 1748 году, на этом месте начали строить Смольный собор по проекту архитектора Ф. Б. Растрелли).

Паром через широкую Неву соединял город Ниен и село Спасское. В конце XVII века на переправе работал Мортон Фериекарл. Из Спасского можно было поехать по сухопутной дороге в Новгород и Нарву. Почту в Нарву возил посыльный Давид Матсон. Основа почтового ведомства Швеции была заложена указом королевы Кристины (1636 год). Первый почтовый маршрут 1638 года связал Стокгольм с Нарвой. Почту перевозили раз в неделю со скоростью 1 миля в 2 часа в любую погоду.

Соседями Давида Матсона были владелец кабака Карл Томассон, белильщик Матс Блекаре, красильщик Симон Данилов, солодовник Якоб Мялтаре. Посадки хмеля располагались к югу от Ниена. Там же были сады, пашни, хлебные амбары горожан. К северу от города находилось предместье с кирпичным заводом, садом коменданта и несколькими деревнями.

Ниен и Ниеншанц соединялись мостом Шеппсбрун (Корабельный). В городе имелись и почтовый, и постоянный дворы. Тут проживали около 150 семей, 50 дворов занимались плотницким ремеслом, была небольшая верфь. Вскоре новый город стал центром русско-шведской торговли с правом вести импортно-экспортные операции. Торговля с русскими была выгодна шведам. По величине Ниен считался четвертым городом Швеции, а его купцы были одними из богатейших подданных шведской короны. Удобный порт Ниена был открыт для иностранных судов. К его порту были приписаны 100 судов, принадлежащих местным арматорам. Он располагался напротив крепости Ниеншанц, на другом берегу Охты. Рядом с портом раскинулась Рыночная площадь. Ежегодно около 100 судов заходило в гавань на Неве. Это были русские ладьи, а так же корабли, пришедшие из Швеции и, ее балтийских владений. В XVII веке Балтийское море стало внутренним для Великой Швеции, а Ингерманландия (Ингрия) была ее житницей, откуда в метрополию вывозили зерно (в основном рожь).

Ближайшие соседи Швеции так же имели свои интересы на Неве. Доля судов – британских, голландских, северогерманских – составила около 20 от общего числа годовых посещений порта Ниеншанц. Жители низменных земель побережья Северного моря, где сформировалось государство Нидерланды, поставляли в балтийские порты Выборг, Ригу, Ниен селедку, вино, текстиль, молочные продукты, а в свои гавани на побережье Северного моря Девен-

тен, Зволе, Кампен вывозили зерно, лес, меха, металл. Ниен становился соперником Архангельска по торговле с иностранцами. В пору владычества Швеции на Балтике и Тридцатилетней войны (1618—1648 годы; России эта опустошительная война не коснулась) иностранные купцы использовали другой торговый путь, так называемый «Северный фарт»: Амстердам – Северная Норвегия – Архангельск – Москва.

В ходе русско-шведской войны 1656—1658 годов военные действия развернулись на территории Ингерманландии, бывшей Ижорской земли. Русские не смирились с установлением шведского владычества на древних новгородских территориях – Ижорской земле и Корельском уезде – в конце XV века вошедших в состав Московского государства. По Столбовскому мирному договору России и Швеции 27 февраля 1617 года граница двух государств – прошла по реке Лава, пересекающей древнюю дорогу из Новгорода в Старую Ладугу. Село Столбово находится недалеко от города Тихвина. В наше время в селе Столбове на берегу реки Сясь поставлен памятный знак в честь подписания Столбовского мира, поворотного момента в истории нашей страны.

Отряд ладожского воеводы Петра Потемкина по повелению царя Алексея Михайловича (1645—1676) 3 июня 1656 года перешел установленную Столбовским мирным договором русско-шведскую границу по реке Лава и блокировал Нотебург (Орешек). Русским войскам помогали местные карелы и финны. 6 июня русский отряд захватил и сжег шведскую крепость Ниеншанц. Но шведы отчаянными усилиями вернули Ниеншанц и сняли осаду крепости Нотебург (Орешек).

Надо было укреплять Ниеншанц, чтобы крепость смогла отбить повторное нападение русских войск. Командующий шведскими государственными фортификациями Эрик Дальберг в сентябре 1681 года посетил Ниеншанц и подал королю Карлу XI (1660—1697) отчет, сохранившийся в Военном архиве Стокгольма. Он писал:

Он рисует шведскому королю возможную перспективу развития военных событий. Если Ниен и Ниеншанц подвергнется русской оккупации, сообщение между Ингерманландией и Карелией пресечется и русские смогут

Господин Дальберг предлагал построить ближе к устью Невы, в Финских шхерах, адмиралтейство и придать ему военные корабли, которые смогут защитить шведские позиции на Неве, ходить вверх по реке и водными путями проникать во внутренние районы России. Вот как оценивал Эрик Дальберг водный путь от Ладожского озера до Ниена и местность вокруг:

Шведский языковед Ю. Г. Спарвенфельд посетил Ниен в 1684 году и отметил, что местность «удивительно приятна своей равнинностью и полезным для здоровья местоположением». В госпиталь Ниена, рассчитанный на четыреста мест, везли больных из Стокгольма. Многие местные врачи были русскими. В конце XVII века население Ниена вместе с крепостью насчитывало около двух с половиной тысяч человек. Вот как торговые люди, купцы-ладожане, описывали город в 1701 году:

Замеры глубин в Неве производил обер-штурман Карл Эльдберг. Произошло это летом 1701 года. После этих гидрографических работ составлены гидрографические карты. На карте, названной «Ниенский рейд (фарватер)» показаны все рукава Невы при впадении в залив (Финские шхеры), Ниеншанц и город Ниен с госпиталем, кирпичным заводом, паромная пристань на левом берегу, где находился православный Спасский приход. На островах, составляющих сейчас центральную часть Санкт-Петербурга, отмечены три шведские усадьбы (дворы, «резиденции») – на острове Березовом (Койвусаари) размещался двор Бьеркенхольма, на острове Усадица – двор Коноу (Конау, Коноффа), на острове Перузина находился двор Акерфельта.

К началу XVIII века крепость Ниеншанц выглядела так: пятиугольной формы, расположена на возвышенности, валы, окружавшие ее, имели в ширину 12 метров, в высоту – 18. На валах размещалась тяжелая артиллерия – 78 пушек. Крепость была довольно большой – километр в самом широком месте внутри укреплений. В гарнизоне служили 600 солдат под

началом русского, полковника Юхана Аполлофа (Ивана Аполлова). Этот дворянин, из местных русских, принес присягу шведскому королю.

Шведы сочли Ниеншанц недостаточно мощной крепостью Ингерманландии и решили укрепить весь район Ниена. В начале Северной войны построены три редута: первый – у реки Чернавки на Охте, второй – на том же охтинском берегу Невы в лесу, третий – у впадения Малой Охты в Большую. Король Карл XII для закрепления власти над Ингерманландией мечтал построить еще более мощную крепость прямо в дельте Невы. Но этим грандиозным планам не суждено было сбыться – в августе 1700 года началась Северная война за возвращение России исконно русских земель (1700—1721).

Вернув крепость Орешек (Шлиссельбург), русские войска двинулись к крепости Ниеншанц по правому берегу Невы. В Военном архиве Стокгольма сохранился план, созданный в апреле 1703 года, за неделю до сдачи крепости Ниеншанц русским войскам. 23 апреля тридцатитысячный корпус под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметьева подошел к крепости. С ходу атакованы и заняты внешние укрепления. Их обороняли 150 шведов. Русское войско встало лагерем вокруг крепости и города. Собственно, города уже не существовало – 20 октября 1702 года комендант Иван Аполлов (Юхан Аполлоф) приказал сжечь жилища горожан и склады на берегу Охты. Так поступали во время войны в средневековой западной Европе – жгли предместье и затворялись в крепости, а город можно отстроить потом на сохранившихся в огне каменных фундаментах. Русские войска не пришли, помощь из Риги и Выборга тоже. Многие шведы-горожане покинули тогда Ниен, уехали в Або, Гельсингфорс, Стокгольм, но многие примкнули к гарнизону и остались в крепости оборонять свой город. Осада Ниеншанца началась 25 апреля 1703 года. Старший сын царя Петра царевич Алексей принят на военную службу как солдат бомбардирской роты и находился в войсках, осадивших и взявших Ниеншанц. В ночь на 26 апреля от Шлиссельбурга к Ниеншанцу на ладьях приплыла русская артиллерия – 48 пушек, 16 мортир, а бомб к ним – 10 тысяч.

Лист из «Книги Марсовой...» СПб, 1766. Потери русских войск при штурме Ниеншанца

Флотилия лодок с гвардейцами, возглавляемая самим царем Петром I, 28 апреля проплыла мимо Ниеншанца (рус. Новые Канцы) под обстрелом его бастионов и спустилась вниз по Неве до выхода в залив, чтобы остановить флотилию шведского адмирала Нуммерса. Но шведская флотилия не подоспела из Выборга. Государь оставил засаду из гвардейцев на острове Витсаари (Гутуевском) и 29 апреля вернулся в русский лагерь под осажденным Ниеншанцем. В письме А. Д. Меншикову Петр Алексеевич сообщал: «Город гораздо больше, как сказывали, аднакож не будет с Шлютельбурх...», имея в виду Шлиссельбург. И об укреплениях Ниеншанца с одобрением отзывался государь: «Выведен равно изрядною фортификациею, только лише дерном не обложен, а ободом болше Ругодива». По мнению Петра, Ниеншанц превосходил размером столицу Ингерманландии Нарву. Коменданту Ниеншанца было предложено капитулировать, но Юхан Аполлоф ответил, что будет защищать крепость, вверенную ему королем Карлом XII. Получив такой гордый ответ, царь Петр отдал приказ о бомбардировке Ниеншанца. Крепость четырнадцать часов подвергалась огню русской артиллерии.

Аполлоф приказал бить в барабаны и повел переговоры о сдаче. **1 мая**

русские войска торжественно вступили в Ниеншанц, Шереметьев получил ключи от крепостных ворот на серебряном блюде из рук коменданта Аполлофа, Петр I позволил сдавшимся шведам – гарнизону с семьями и горожанам – беспрепятственно покинуть крепость. Судьба горожан русского происхождения была печальна, и это жестокая страница истории Великой Северной войны (1700—1721). **2 мая**

На следующий день в капитулировавшем Ниеншанце, хоронили русских воинов – солдат и офицеров. Над их братской могилой насыпали холм земли и посадили молодой дубок, окруженный оградой из трофейных шведских пушек. До 70-х годов XX века этот памятник русской воинской славы находился на территории Петрозавода, но исчез в ходе последней рекон-

струкции предприятия. Но некоторые исторические данные оспаривают версию высадки дуба на братской могиле и называют датой создания дендрологического памятника 1709 год.

Павшая шведская твердыня была переименована в Шлотбург (замок-город) и стала лагерем русской армии. Названия «Шлиссельбург» и «Шлотбург» связаны общим символическим смыслом. Ключом-Шлиссельбургом Петр открыл замок-Шлотбург, закрывавший России выход в Балтийское море. Вскоре состоялся военный совет, решивший судьбу новоявленного Шлотбурга. Его стратегическое положение было признано неудачным – «мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от природы». Крепость на отбитой у шведов земле решено было строить на Заячьем острове. От укреплений Шлотбурга-Ниеншанца не осталось ничего – их взорвали, срыли, постройки разобрали. Строительные материалы, образовавшиеся при этом, использовали при строительстве Санкт-Петербурга. Петр Алексеевич лично наблюдал за уничтожением шведской твердыни. Он приказал посадить на месте бывшей крепости четыре самых высоких, какие только можно было найти в этих краях, мачтовых дерева.

Чтобы не дать наступающим по Выборгской дороге шведам закрепиться в Шлотбурге и оттуда напасть на Петербург – такая угроза существовала в 1704–1708 годах – остатки крепостных укреплений взрывали порохowymi минами. —

Рушили Шлотбург-Ниеншанц и после Полтавской битвы зимой 1709—1710 годов. Датский посланник при дворе Петра I командор Юст Юль был свидетелем, как два ящика с порохом заложили под валы Ниеншанца – государь испытывал силу взрывных устройств. Произошел взрыв, похожий на землетрясение – содрогнулась земля, лед на Неве треснул, вал оказался пробит «на половину его толщи» – писал в «Записках» (ценном историческом источнике) датский посланник Юль.

В 1718 году художник Федор Васильев зарисовал руины Ниеншанца. Это единственный рисунок, изображающий павшую крепость. В том же году Петр I приказал основать плодовый питомник между валами разоренного Ниеншанца. Так посадки «Канецкого огорода» были укрыты от ветра, наблюдал за ним Г. Фохт – садовник Летнего сада. Археологи нашли на этом месте садовые вазы XVIII века. Плодовые деревья росли здесь до начала XIX века.

Через пятнадцать лет после взятия крепости – вспоминали современники – от Ниеншанца «не остается ни единого камня», но по данным карт XVIII и XIX веков, остатки укреплений Ниеншанца просуществовали до начала XIX века. На месте кронверка Ниеншанца на левом берегу Невы, появился Смольный двор. Там в 1748 году Ф. Б. Растрелли заложит величественный Смольный собор.

После основания Санкт-Петербурга Охта стала рабочей окраиной. На месте стертого с лица земли Ниеншанца построен Петровский завод (Петрозавод), занимавшийся судостроением. Он основан в 1721 году и назывался тогда Охтинской верфью, с 1813 года это Охтинское Адмиралтейство, а с 1913 года – Петрозавод. Сначала на верфи строили речные суда, с конца XVIII века – большие парусные корабли, составившие славу отечественного флота. Это шлюп «Камчатка» для кругосветной экспедиции В. М. Головина (1817—1819), шлюп «Восток», достигший Антарктиды под командованием М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена (1819—1821). Фрегат «Паллада» построен в 1832 году. Он вошел в историю российского флота кругосветным путешествием под командованием Е. В. Путятина (1852—1855), а в историю российской литературы – описанием этого путешествия, сделанным И. А. Гончаровым. В 1848 году здесь построен первый корабль с винтовым двигателем и паровой машиной – фрегат «Архимед». В советский период истории России здесь производили несамоходные баржи, с 1931 года – буксиры, а с конца 30-х годов XX века – морские тральщики для ВМФ. Во время Великой Отечественной войны на заводе переоборудовали для военных действий речные буксиры, делали корпуса бомб, снарядов, мин. В 1970 году на территории завода открыт памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны. В 1994 году создано одноименное ОАО.

Предприятие просуществовало почти до конца XX века и разорилось в 2001 году. Его краснокирпичные корпуса еще стоят на берегу Охты.

В начале 90-х годов прошлого века археологи делали раскопки территории вокруг устья реки Охты. Собранный материал позволил открыть музей, названный «700 лет Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц».

Музей открылся в год 300-летия нашего города, чтобы ознакомить горожан с богатой допетровской историей этих мест. Музей частный, учрежден некоммерческим фондом развития социальных инициатив «Мой Петербург» 24 июля 2003 года. В 2013 году музею исполнится 10 лет. Для экспозиции нового музея археологические материалы предоставил Северо-Западный научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. Автор экспозиции заместитель директора института П. Е. Сорокин. Его книга, изданная в 2001 году, называется «Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц». Начало XIV века, время битвы за крепость Ландскрону, представлено в музее реконструированным вооружением шведского рыцаря и «зброей» новгородского дружинника. Позднесредневековые поселения с XIV по XVI века по берегам Охты представлены в Музее фрагментами керамических сосудов. Территория, занимаемая крепостью Ниеншанц и городом Ниен, была определена в наше время с помощью исторических планов и богатого картографического материала, как русского, так и шведского. В музее собраны копии шведских карт, полученных из архивов Стокгольма, русские карты и планы Ниена и Ниеншанца, отражающие их местонахождение в балтийском регионе. Изучены письменные описания города и крепости. Большую краеведческую работу провел наш современник, петербургский художник Эдуард Якушин, вместе с Петром Сорокиным изучающий культурный слой крепости и города. Эдуард Якушин создал картину «Вид на город Ниен с внешних укреплений». Город освещен золотистым светом закатного солнца (летние вечера у нас долгие). Персонажи, зажиточные горожане, одетые по западно-европейской моде рубежа XVII и XVIII веков, прогуливаются, наслаждаясь теплой погодой. Видны готические башни протестантских церквей и двухэтажные фахверковые дома. В своей работе художник Якушин использовал открытия археологов. Удалось установить расположение главных городских объектов, например, немецкой лютеранской церкви, некогда возвышавшейся на месте современной Красногвардейской площади. Южнее немецкой находилась шведская церковь. За городской чертой Ниена выращивали хмель. Сейчас это – территория завода «Знамя труда», где пересекаются проспект Шаумяна и Магнитогорская улица.

В Музее представлена модель археологического раскопа, знакомящая посетителей с работой ученых. В соответствующем масштабе раскоп показывает деревянный погребок для хранения продуктов, остатки немецкой церкви. В экспозицию входят мелкие фрагменты посуды, осколки извлеченных из земли кирпичей (в Ниене был собственный кирпичный завод), монеты и вещи, относящиеся к XVII веку. К эпохе шведских королей и королев, правивших тогда, относятся шведские монеты: 1 эре короля Густава-Адольфа (1611—1632), 1/4 эре его дочери королевы Христины (1633—1654), 1/6 эре Карла XI (1660—1697). Представлены предметы, воссоздающие быт горожан и гарнизона Ниеншанца – чашечки, курительные трубки, костяная игла, жаровни на ножках, фрагменты мушкетерских кувшинов. Раскопки, проведенные на месте недавно снесенного дома №15 по Конторской улице, обогатили коллекцию музея оригинальными курительными трубками.

Считается, что табак был завезен в Европу, на Пиренейский полуостров из Центральной Америки – Нового Света, открытого Колумбом (1492). Французский врач Жан Нико де Виллемен (1530—1600) был послом в Португалии. Живя в Лиссабоне, он изучил американское растение, убедился в его целительных и общеукрепляющих свойствах. Стараниями Жана Нико табак распространился по Европе и получил научное название по-латыни *Herba nicotiana* в честь своего исследователя. В XVII веке курение табака (никотианы), заморского зелья, доставляемого из Америки, не считалось пороком, а было модным увлечением

мужчин, посещавших для этого таверны, где имелись наборы специальных трубок из дерева, глины, рога. Тогда говорили «не курить», а «выкушать» или «выпить» трубочку никотианы. Вспомним картину голландского живописца, мастера бытового жанра Яна Стена (1626—1679) «Гуляки» (масло, дерево 39х39 см; Эрмитаж), где изображен молодой человек с курительной трубкой. В брачных договорах тех лет, заключаемых расчетливыми бюргерами, можно найти пункт, по которому супруг обязуется курить не дома, а в таверне.

Трехмерная объемная картина жизни устья Охты XVII века воссоздана в диораме города Ниена и крепости Ниеншанц. Эта реконструкция опирается на обширный картографический материал и дошедшие до нас описания современников.

Период XIX–XX веков, когда Охта была рабочей окраиной Санкт-Петербурга, представлен в Музее археологическими находками бытовых предметов: баночки для помады, чернильницы, бутылки из-под сельтерской воды. Посуда и фотографии так же имеются в экспозиции Музея.

Память о крепостях, некогда стоявших у впадения Охты в Неву, жива и поныне. Памятный знак «Крепость Ниеншанц», воспроизводящий в граните пятиугольные очертания укреплений, поставлен в 1998 году на Малоохтинском проспекте. На низких гранитных стенах установлены подлинные шведские пушки, захваченные при взятии Ниеншанца. Авторы памятника – архитектор В. А. Реппо и археолог П. Е. Сорокин. Территория Ниеншанца стала памятником археологии. Музей и памятный знак популярны у петербуржцев, и не только жителей Охты. Сюда едут из всех районов Санкт-Петербурга, чтобы прикоснуться к исторической памяти этого места, вспомнить длинную драматическую историю приневского края. В 2009 году общественно-деловой центр «Охта» обратился в Градостроительный совет Санкт-Петербурга с предложением о переносе памятного знака «Крепость Ниеншанц» ниже по течению Невы на стрелку Охты. Связано это с расширением транспортной системы Санкт-Петербурга.

Историко-археологический музей «Ниеншанц» так же сменил место своего размещения. Сейчас его экспозиция временно расположена по адресу: Санкт-Петербург, Английская набережная, дом 6. Часы работы 10.00—18.00, выходной – вторник, тел. 324-05-18. Это здание возведено в первой трети XVIII века, перестроено в 1865—1866 годах (архитектор В. Е. Стуккей), принадлежало князю Тенишеву. Здание для музея «Ниеншанц» предоставлено ОАО «Газпромнефть». К сожалению, до сих пор открытым остается вопрос о создании археологического заповедника на территории Охтинского мыса, хотя временной охват тамошних находок впечатляет: от стоянок древних людей эпохи палеолита до деревянной стены шведской крепости Ландскрона и внешних укреплений шведской крепости Ниеншанц.

«збирал на Невском устье государеву таможенную пошлину с торговых с немецких и русских людей, которые ездили с неевского устья в Орешек и в Новгород и назад и которые немецкие и русские люди стоя торговали на невском устье».

«...и городские сооружения, и укрепление в том состоянии, в каком они ныне пребывают, более вредны, нежели полезны».

«... всей своей великой силой войск легко, за краткое время так укрепиться в сей местности между двумя этими значительными реками и наконец (от чего да избавит милостивый Господь) осуществить свое с незапамятных времен испытываемое желание закрепиться на Балтийском море».

«Река Нева на всем своем протяжении от Ладожского озера до Ниена по обе стороны имеет высокие песчаные берега, до самого города поросшие по большей части высоким лесом и кустарником. Она течет не особенно быстро и почти повсеместно имеет глубину шесть футов при низкой воде, так что при добром ветре можно идти против течения на лодьях и других судах, но при сильном встречном ветре затруднительно ходить и вниз, и вверх по течению. Но когда со стороны Балтийского моря, с запада или с севера – и юго-запада поднимается буря, вода в реке Неве у Ниена повышается на 4 локтя выше обычного уровня и причиняет большой ущерб стоящему там укреплению».

«Город Канцы стоит в устье Охты; город земляной, вал старый, башен нет, за валом рогатки деревянные и ров; изю рву к валу палисады сосновые; город небольшой, земли в нем всего с десятину; величиною по примеру с каменную Ладогу. Охта течет из болот, впадает в Неву ниже города, близко стены; река глубокая: ходят по ней шкуты большие и корабли с половиною груза. Посад Канецкий стоит против города за Охтою, по устью Охты к Неве; чрез Охту сделан мост подъемный. В посаде всех дворов с 400. Пушек в Канцах много железных. В городе только один воеводский дом, да солдатских дворов с 10. На посаде каменных палат нет, все деревянные...»

Ю Р Н А Л Ъ

о

взятіи крѣпости

Н О В Ы Х Ъ К А Н Е Ц Ъ

Апрѣля въ 23 день 1703 году.

По полученіи указа господинъ Генералъ Фелшъ маршалкъ Шереметевъ въ 20000 человекѣхъ пѣхотныхъ солдатскихъ полковъ, пошелъ отъ Шюсселорга для облежанія ко взятію крѣпости Канецъ, надъ рѣкою Невлю лежащей, сухимъ путемъ. А при пѣхъ полкахъ были Генералы: Генералъ Репнинъ, Генералъ Масоръ Чаморсъ, и Генералъ Масоръ отъ артиллеріи Брюсъ.

Въ 24 день не дошедъ до крѣпости за 15 верстъ, посылалъ господинъ Фелшъ маршалкъ партію въ 2000 пѣхоты, подъ правленіемъ Подполковника Нейтерта и преображенскаго полку Капитана Глбоовскаго, пла-

б 3

нымъ

Глава 2 ПЕТРОВСКОЕ БАРОККО

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

После взятия Ниеншанца Нева, мощная водная артерия Северо-Запада России, оказалась в руках русских. У истока реку контролировала крепость Шлиссельбург (Ключ-город). Крепость Ниеншанц (Шлотбург – замок-город) при впадении Большой Охты в Неву Петр I приказал уничтожить. Россия нуждалась в новой крепости на Неве как базе российского флота. Идея великого царя о новой крепости нашла воплощение на островке в дельте Невы. Остров до сих пор называется Заячий (Еннисаари по-фински, Веселая земля или Луст-Эйланд по-шведски). Маленький Заячий остров – длина семьсот пятьдесят метров, ширина – триста шестьдесят – находится там, где могучая Нева делится на три потока. Это собственно Большая Нева, Большая Невка и Малая Невка. Естественные очертания берегов безлюдного островка определили контуры будущей крепости. Там существовало очень маленькое «поселение чухонское», но к началу XVIII века его жители вымерли. Ближайшая суша – Березовый остров – в те времена была покрыта лесом, болотами и почти непроходима. Неприятельскому войску было бы затруднительно приблизиться к правому берегу Невы по заболоченной непролазной чаще. Вражеские же корабли, поднявшиеся с моря по Неве или Большой Невке, новая крепость могла расстрелять из пушек прямой наводкой.

Петр I сам выбирал место для строительства цитадели, защищающей фарватер Невы, и выбрал удачно. Французский инженер Ж.-Г. Ламбер (Жозеф Ламберт), прибывший в Россию в 1701 году, помог советом государю в выборе места и составил проект самой первой дерево-земляной крепости.

С развитием артиллерии старые крепости, сложенные, в основном, из известняка, уже не могли противостоять разрушающему воздействию орудийного огня. В XVI веке многие старые крепости были облицованы кирпичом. Каменные и чугунные ядра разбивали стены старых крепостей, кирпичи превращались в песок. Крепости становились беззащитны, их было легко захватить. Так, например, второй штурм Нарвского замка (1704) после огня русской артиллерии продолжался 40 минут. Деревоземляные стены крепостей каменные и чугунные ядра пробить не могли.

Идея плана невской твердыни, конечно, принадлежит самому Петру I. Изучив во время заграничного посольства образцы западноевропейского фортификационного искусства, Петр Алексеевич высоко ценил французскую инженерную школу. В конце XVII века ее блестящим представителем был инженер С. Вобан (Вобан Себастьян ле Претр, де; 1633—1707). Вобан: военный инженер, маршал Франции (1703), почетный член французской Академии наук (1699), построил 33 новые крепости, осаждал 53, модернизировал более 300. Он изобрел способ постепенной атаки крепостей, был одним из основоположников минно-подрывного дела, организовал первые саперные и минные роты. Его труды по военно-инженерному делу были в библиотеке Петра I. Очертания бастионов новой крепости на плане очень похожи на проекты С. Вобана. В начертании плана принимал участие и В. А. Кирштенштейн – опытный военный инженер. В 1699 году он прибыл в Россию из Саксонии и до смерти в 1705 году руководил всеми строительными работами на Заячьем острове.

Швейцарец Доменико Трезини, архитектор, инженер, «полковник от фортификации», почти 30 лет, после смерти В. А. Кирштенштейна, руководил перестройкой первоначальной земляной фортеции в каменную.

Существующая до сих пор в центре Санкт-Петербурга крепость заложена 16 (27) мая 1703 года в царствование Петра I. Ныне эта дата широко отмечается как день рождения нашего города.

По повелению государя закладку цитадели осуществил первый губернатор нового города А. Д. Меншиков. Сам Петр Алексеевич уехал в Лодейное Поле 11 мая 1703 года, где на верфи строили 15 новых кораблей, и вернулся в Шлотбург 20 мая.

Новозаложенную крепость называли Санкт-Петербурх. Первая русская печатная газета «Ведомости», основанная Петром I, так отразила это событие:

Кто строил крепость? Солдаты, бравшие Шлотбург (Ниеншанц). Солдаты и рабочие, укреплявшие Шлиссельбург, спустились по Неве и присоединились к первым строителям в июле 1703 года. К ним в помощь из разных мест России потянулись работные люди, направленные на берега Невы царским указом. Они и стали «подкопщиками» – чернорабочими на тяжелых земляных работах, валили лес для строительства, сплавляли его по Неве. И пленные шведы принимали участие в возведении новой русской фортеции. Не все пережили суровую зиму 1703 – 1704 годов. Уже в наши дни, при проведении реставрационных работ, найдены их могилы на территории Петропавловской крепости.

Первые валы будущей Петропавловской крепости были земляными, в высоту достигали семи метров, в ширину – пятнадцати. Наружные эскарповые стороны валов выложены дерном, их уклон к горизонту составил 75 градусов. Внутренние (валганцовые) стены крепостных валов обшили досками, ставившимися вертикально. Внутри валов устроили рубленые из бревен казармы для гарнизона. Они были защищены от навесного огня самим расположением внутри укреплений.

Из общей линии крепостных стен выдавались бастионы-раскаты. Их строили под личным наблюдением царя Петра и его соратников: Меншикова, Зотова, Головнина, Трубецкого, Нарышкина. Стрельба с бастиона увеличивает площадь поражения огнем вокруг крепости.

Внутри строящихся стен заложили деревянный собор Святых Петра и Павла. Митрополит Новгородский Иов освятил будущий собор во имя святых апостолов Петра и Павла. В честь этого события произвели торжественный пушечный салют. Собор, заложенный в Петров день, 29 июня, получил имя в честь Святого Петра, небесного патрона государя Петра Алексеевича, и первоапостола Павла. С тех пор крепость и новый город зовутся Санкт-Петербургом. Название «Петрополь» на греческий лад не прижилось, но встречается в письмах государя 1703—1704 годов и у русских поэтов.

Крепость строили очень быстро – шла война, Финский залив сторожила эскадра шведского адмирала Нуммерса, отряды шведов устремились к Неве, чтобы выбить русских, возвращавших исконные земли «отчич и дедич». Со стороны Выборга шведский полководец Абрахам Крониорт подошел к реке Сестре. 7 июня Петр I вышел навстречу шведам во главе восьмисотого отряда из двух пехотных и четырех кавалерийских полков. Драгун (кавалеристов) возглавил полковник К. М. Э. Ренне (Рен). На реке Сестре произошла битва. Под сильным огнем шведской артиллерии русские драгуны овладели мостом, переправились через реку, заставили шведов сдать позиции и обратили их в бегство. Царским указом полковник Ренне назначен первым комендантом Санкт-Петербурга.

В июле крепость возвели уже наполовину, а к середине сентября строительство было закончено. С тех пор и по сию пору план крепости остается в основе своей неизменным – шестигранник, вытянутый с востока на запад, на стыке граней расположены бастионы, их соединяют прямые стены – куртины. Так образуются оборонительные фронты. Три бастиона выходят на север и три обращены к Неве. Осенью 1703 года доставили и разместили на бастионах более трехсот пушек. Это были орудия шведские трофейные и русские, отлитые на Олонецких заводах. Наиболее мощная артиллерийская батарея встала на Царском (Государевом)

юго-западном бастионе – там было пятьдесят восемь пушек. Нарышкин и Трубецкой бастионы охраняли по пятьдесят два орудия.

Куртины называются: восточная – Петровская, западная – Васильевская, северные – Никольская и Кронверская, южные, выходящие на простор Большой Невы – Монетная и Невская. В конце XVIII века Монетная переименована в Екатерининскую и носит это название до сих пор. Эта куртина глухая, в остальных проделаны одноименные ворота.

Строительство ведется и на внутренней территории – цейхгауз, дома, склады продовольствия. 16 августа 1703 года новоявленные петербуржцы оказались застигнуты наводнением, стихийным бедствием, ставшим такой же неотъемлемой частью жизни Санкт-Петербурга, как и белые ночи. И только в наши дни достроена дамба, призванная защитить город от разрушительной стихии. В 1703 году через Заячий остров с запада на восток прорыт канал, предназначенный ослабить напор воды при сильных западных ветрах, нагоняющих наводнения. Иногда при таком ветре, кажется, что могучая Нева повернула и стремится к Ладоге – своему истоку. По этому каналу в самый центр крепости доставляли строительные материалы, боеприпасы, продовольствие. Впоследствии вдоль канала высадили липы, тополя, и Петропавловский собор стоял на южном берегу этого канала.

Постройка Петропавловской крепости продолжалась с 16 мая 1703 года до 4 апреля 1704 года. Окончание строительства отмечено светом фонаря, впервые загоревшегося на Государевом бастионе. Таков был первый период истории Петропавловской крепости.

Осенью 1703 года произошло несколько событий, имевших значение для торговых и политических связей российского государства. В ноябре в Неву вошел корабль из Голландии под командованием шкипера Wybesa. Он привез соль, вино и получил пятьсот золотых – награду, назначенную государем первому иностранному кораблю, прибывшему в Неву для торговли. Петр Алексеевич велел выплатить денежные премии первым трем иностранным торговым судам еще в мае 1703 года. Им предназначались: первому – пятьсот, второму – триста, третьему – сто золотых монет. А. Д. Меншиков, первый губернатор Санкт-Петербурга, исполнил приказ царя.

В августе 1703 года двенадцать торговых голландских судов не смогли войти в Неву для покупки леса. Шведы, ранее торговавшие невиской древесиной, уже не контролировали Неву. Меншиков согласился продать им лес, но шведский адмирал Нуммерс, чья эскадра сторожила Финский залив, не позволил совершить эту торговую сделку. И только после ухода шведского флота на зимовку в Выборг, куда доставляли провизию для судов с военно-морских баз Кальмар и Карльскруна, отважный голландский шкипер Wybес прибыл в Неву.

В ноябре того же года, после ухода шведской эскадры, государь вышел на яхте в устье Невы. Он искал место для морского форпоста, чтобы надежно закрыть Неву от нападений с моря. Выбор царя пал на остров Котлин. Так начинался Кронштадт.

В 1704 году голландский гравер-офортисст Питер Пикарт создал гравюры с изображением плененных шведских кораблей «Гедан» и «Астрильд». Его резцу принадлежит и первый план Санкт-Петербурга. Голландец в 1703 году переехал с семьей в Россию. Летом того же и будущего, 1704, годов в составе походной гравировальной мастерской Питер Пикарт находился в русской армии, действовавшей на берегах Невы. Его гравюры – репортаж прямо с места военных событий. В 1704 году он гравировал башню Кроншлот, с которой началось строительство Кронштадта.

До 1705 года немец В. А. Кириштенштейн руководил строительством на Заячьем острове. После его смерти работы в крепости вел швейцарец Доменико Трезини (1706—1734). Доменико Трезини («архитектурный полковник Трезини» ок. 1670—1734), почти ровесник Петра I, вторую половину своей жизни прожил в России, в Санкт-Петербурге, и стал великим русским архитектором. Его постройки имеют градообразующее значение и составляют первый этап нового стиля русской архитектуры – петровского барокко. Он осуществил предложения сво-

его предшественника В. А. Кирштенштейна о строительстве в Петропавловской крепости двух рavelинов, вспомогательных сооружений на восточном и западном концах крепости, о выносе в Неву ее южных бастионов. Здесь проходила песчаная коса, и глубина была маленькая.

В кирпичных двенадцатиметровых стенах прорезали ворота: Кронверкские, Петровские, Невские, Васильевские, Николаевские. Над Государевым (Царским) бастионом реял большой желтый флаг с двуглавым орлом, цепко держащим в когтях четыре моря – Черное, Белое, Каспийское и Балтийское.

Особо надо сказать о Петровских воротах – входе в крепость с востока. В 1708 году в Петропавловской крепости сооружены деревянные триумфальные ворота как повторение установленных в 1704 году в отбитой у шведов Нарвской крепости. Автор проекта обоих триумфальных ворот – Трезини, через шесть лет заменивший деревянные ворота каменными. В 1716—1718 годах они стали парадным въездом в Петропавловскую крепость и получили пышное оформление – аттик, четыре колонны, композиция из трофеев, барельефы аллегорического содержания. Таков стиль петровского барокко, родившийся из сочетания приемов итальянского и североевропейского барокко. Традиция устанавливать триумфальные арки для въезда победителей (императоров, полководцев) берет начало в Древнем Риме, проходит через все Средневековье и продолжается в Новое время. Прижилась она и в российской культуре. Долгое время древний Рим был центром европейской цивилизации. Второй Рим – Константинополь. Москва, воспринявшая веру и культурную традицию Византии, стала третьим Римом. Санкт-Петербург, куда переместилась столица Российской империи, продолжает культурную традицию центра мира. Прообразом российских триумфальных ворот могли служить триумфальные арки, до наших дней стоящие на римской площади Форум Романум. Они воздвигнуты в честь императоров Тита, замирившего в 81 году нашей эры восставшую Иудею, и Константина Великого, уравнившего Миланским эдиктом христианство с другими религиями Римской империи (313 год). Двухметровая арка Тита стоит на высоком пьедестале, свод арки венчают летящие крылатые фигуры. Это аллегорическое изображение победы – виктории полатаны. Победы над шведами государь Петр Алексеевич так же именует викториями. Так образы античности входят в суровую военную жизнь восемнадцатого века и облагораживают ее вечными идеалами.

Первые ворота в центре деревоземляной Петровской куртины устроены в 1703 году. Они сделаны из камня, имели две полуциркульные арки и назывались Верхними. Руководил этой постройкой, как и строительством всей Петропавловской крепости, военный инженер В. А. Кирштенштейн. По указу Петра Алексеевича 1708 года Верхние ворота Петропавловской крепости названы Петровскими. По проекту Д. Трезини в том же году ворота перестроены как триумфальные подобно Нарвским (их строил тот же швейцарский архитектор). Ворота имеют два яруса. В первом расположен портал, оформленный как романская арка. Портал завершен аттиком, в тимпане которого размещен барельеф «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром».

Петропавловская крепость. Петровские ворота. Барельеф «Низвержение Симона-волхва апостолом Петром»

В аллегорической форме здесь повествуется о победах русского оружия над шведами. В Библии написано о волхве Симоне – современник апостолов, принял святое крещение и пользовался у народа Самарии, где жил, большим авторитетом. Он летал на глазах потрясенной толпы, а когда апостол Петр пришел в Самарию, Симон вознамерился купить у него дар возложения рук на человека наделять его Святым Духом. Апостол Петр отказал ему и низверг взлетевшего на землю. Симон-волхв в Библии – основатель всех лжеучений. Фигура святого Петра с двумя ключами установлена на Петровских воротах и вышита на троне государя, символизируя победоносную Россию. Так проводятся символические аналогии Санкт-Петербурга с Римом – городом святого Петра. Барельеф на Петровских воротах выполнен из море-

ного дуба Гансом Конрадом Оснером, мастером резного и скульптурного дела, в 1717 году. Это самая известная его работа, выполненная в традиции романской скульптуры – у персонажей широкие лица, лопатообразные руки. Колдун падает с небес головой вниз. Там изображен Санкт-Петербург как храм, увенчанный куполом и шпилем, а Петр I в одеянии римского императора указывает жезлом на свой город. Петербуржцы видели в этом сюжете предсказание поражения Карла XII в Северной войне. Еще один смысловой пласт барельефа – гибель волхва, казнь апостолов Петра и Павла, возведение собора над могилой Святого Петра в Риме. Одноименные соборы символически связывают Санкт-Петербург и Рим. Напоминает барельеф и произведения холмогорских резчиков по дереву. Уже в XXI веке реставраторы очистили барельеф от многих слоев краски. Открылась фактура трехсотлетнего мореного дуба, выдержанного в морской воде. Этот материал крепче железа. Аттик Петровских ворот завершен лучковым (полукруглым) фронтоном, где помещено горельефное изображение благословляющего Бога Саваофа. По стилю эту работу тоже приписывают Г. К. Оснеру.

Петропавловская крепость. Герб России

В 1720 году над аркой Петровских ворот установлен свинцовый двуглавый орел массой более тонны – герб Российского государства (литейщик Ф. П. Вассау, золотил в 1722 году А. И. Захаров).

Петровские – первые триумфальные ворота Санкт-Петербурга.

Петропавловскую крепость строили мастера различных вероисповеданий, национальностей, культур. Один из таких выдающихся мастеров – Доменико Трезини (1670—1734). В России его называли Андрей Трезин, Тресин, Друзин. Его ценил государь Петр Алексеевич, ставший крестным отцом сына Трезини Петра (Пьетро). Первое задание многообещающего зодчего – строительство форта Кроншлот. Почти тридцать лет руководил он перестройкой Петропавловской крепости в камне, по его проекту устроены оборонительные и охранительные казематы в ее бастионах и куртинах. Он перестроил в камне Петропавловский собор (1712—1733), соединил композиционно и декоративно обновленный фасад собора и триумфальные Петровские ворота (1708—1718). До самой смерти Доменико Трезини строил Петропавловскую крепость и город вокруг нее. Стремительный взлет в петербургское небо колокольни построенного им собора – лучший памятник выдающемуся швейцарскому архитектору. Мы не знаем, как он выглядел, не знаем, где его могила. Навсегда остался Доменико Трезини в петербургской земле и памяти горожан.

При Анне Иоанновне строительные работы в крепости проводил немецкий военный инженер Б.Х.Миних, последователь С. Вобана. Он осуществил проект Кириштенштейна и возвел два каменных рavelина, названных в честь деда и отца императрицы Анны Иоанновны (1730—1740). Это западный – Алексеевский (в честь царя Алексея Михайловича) и восточный, Иоанновский (в честь царя Иоанна Алексеевича).

Крепостные стены выложены из кирпича, гладко затерты серой известью и окрашены в розовый цвет. К 1740 году крепость в камне была окончательно перестроена. В 1752 году по проекту инженера В. Ситятина первоначальные деревянные аппарели для подъема на валганги пушек и боеприпасов заменены каменными. В 1779—1786 годах эскарповые стены, выходящие на Неву, по проекту инженера Р. Р. Томилова облицованы серым гранитом. Руководил облицовкой инженер Ф. В. Бауэр. Теперь они соответствовали невским набережным, одетым в Выборгский гранит.

Нам известны имена архитекторов, строителей, инженеров, резчиков, скульпторов, которые проектировали и возводили невскую фортецию, Петропавловский собор и окружающие их здания. Это и русские мастера, и иностранцы, и потомки выходцев из Западной Европы, родившиеся в России. Вот имена людей, создавших столицу Российской империи – Д. Трезини, Б.-Х. Миних, Х. ван Болос, А.П.Ганнибал, А. Матвеев, Г. Гзелль, Л. Каравак, И. Зарудный, К. Оснер, Н. Пино, А.Ф.Вист, А. Ринальди, Ж.-Б.-М. Валлен-Деламот, Ю.М.Фельтен, А.

Порта, Джакомо Кваренги и другие. Творчество этих зодчих и мастеров представляет панораму стилей, бытовавших в Санкт-Петербурге – от петровского барокко к классицизму.

Петропавловская крепость неразрывно связана с окружающей городской застройкой и широкой Невой. Ее силуэт доминирует в изменчивом петербургском небе и отражается в темной массе невской воды, которая бывает и свинцово-серой, и пронзительно синей, и розовато-золотистой, и пастельно-перламутровой в волшебную пору белых ночей. Контраст горизонтальной линии крепостной стены и вертикального взлета колокольни собора впечатан в сердце и душу каждого петербуржца.

Петропавловская крепость. Колокольня Петропавловского собора

Недаром говорят, что вид собора и княжеской усыпальницы напоминает всплеск сердцебиения на кардиограмме. Ангел на шпиле собора, вознесенный туда по приказу императора в 1724 году, бережет наш город от напастей. Петр знал старинное поверье – ангел, реющий над городом, хранит его от чумы – бича населения Западной Европы с XIV века.

Петропавловская крепость. Ангел на шпиле колокольни Петропавловского собора

В Амстердаме, любимом европейском городе Петра Алексеевича, таких напастей было три – наводнения, пожары, чума. Санкт-Петербург счастливо избежал чумных эпидемий.

Крепость на Заячьем острове возникла на смене эпох. Шестнадцатый и семнадцатый века во всей Европе были переломными – феодальный строй уступал большим национальным государствам с абсолютистской властью, осуществляемой монархом. Волей Петра I возникла Петропавловская крепость на исконно русских землях, вернувшихся в состав России. Черты двух смежных эпох имеет крепость – русского средневековья и нового времени, начавшегося с правлением Петра Великого. Петропавловская крепость – последнее звено в цепи русских пограничных твердынь, хранивших нашу страну, и похожа на древнюю русскую крепость Орешек в истоке Невы как замок, подходящий к ключу. Обе твердыни шестиугольны, расположены на островах, обнесенных по всему периметру крепостными стенами, по территории крепостей проходил канал, впоследствии зарытый, а в центре построены храмы. Проект Петропавловской крепости оказался настолько удачным, что после 1747 года шведы построили по нему крепость Свеаборг у Гельсингфорса (Хельсинки). Время, когда создавались крепости, было христоцентричным, поэтому христианский храм – сердце и духовный центр любого города и села тогдашней Европы. И таким центром новой крепости стал собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла – выдающийся памятник архитектуры петровского барокко.

Каменный собор, который мы знаем, заложен в 1712 году. Он стоит на месте деревянной церкви апостолов Петра и Павла, начало строительства которой – 29 июня 1703 года. И Петропавловскую крепость и ее духовный центр возводили практически одновременно. Немного известно об этой первой церкви. Современники вспоминают, что храм был отстроен в голландском стиле, расписан под желтый мрамор. Башня с высоким шпилем была доминантой храма и имела несколько колоколов. Один человек мог работать с ними, и каждый час он оповещал о времени новоявленных петербуржцев, вызванивая различные мелодии – традиция этого музыкального звона жива и до сих пор. Две башни со шпилями пристроены к храму позднее. По воскресным и праздничным дням на них вывешивали вымпелы. Деревянный храм с самого основания стал духовным и общественным центром молодого Санкт-Петербурга. Уже в 1704 году, 15 мая, здесь возносили благодарственные молитвы за победу над шведским флотом в устье реки Амовши. По окончании молебна со всех стен крепости дан праздничный салют. Храм был свидетелем и жестоких забав государя. 23 ноября 1710 года здесь произошла шутовская свадьба царского карлика Екима Волкова. Гостями на ней были присланные со всей России карлики и карлицы. Императрица Анна Иоанновна со знаменитым Ледяным домом лишь поддержала семейную и общеевропейскую традицию содержания при дворах государей разнообразных уродцев. Вспомним серию портретов шутов и карликов, живших при дворе

испанского короля Филиппа IV (1621—1665). Их живые человеческие чувства передал великий испанский художник Диего Веласкес (1599—1660).

День рождения Петра Алексеевича 30 мая 1712 года ознаменован закладкой нового каменного собора. Проектировал собор и руководил строительством архитектор Доменико Трезини. Более двадцати лет строился собор (1712—1733). В его архитектуре соединились и европейские впечатления государя, и опыт Д. Трезини, и влияние стиля барокко, господствовавшего тогда в художественной жизни Западной Европы. Петропавловский собор вошел во всемирную историю градостроения как программный образец ранней петербургской архитектуры петровского времени. В нем соединились и северная готика, и храмы Рима и Лондона. Таков сплав европейских традиций на петербургской земле, и сейчас дающих нам пример толерантности. Над римским фасадом собора в небо Санкт-Петербурга взлетает североевропейская барочная колокольня. Внешний объем собора скромн, как у протестантского храма. Католические и протестантские детали слились в гармоничном облике православного храма Нового времени.

Петр I пожелал, чтобы собор вмещал как можно больше прихожан, а колокольня его поднялась выше колокольни Ивана Великого московского Кремля, построенной при царе Борисе Годунове (1598—1605), предшественнике династии Романовых. Весной 1719 года колокольня Петропавловского собора закончена. Венчал ее деревянный, обшитый медными листами с позолотой шпиль конструкции и работы голландского мастера Х. ван Болосома. Шпиль завершен яблоком с крестом (державным) и фигурой ангела, выполненной по рисунку Д. Трезини. Первоначальная высота колокольни 106 метров, сейчас – 122,2. В 1720 году там установили часы-куранты, приобретенные государем в Голландии. «Игральный механизм» их состоял из 35 колоколов, перезвон начинался каждые полчаса. «Большая железная машина с медным валом», чудо техники XVIII века, заставляла звонить все колокола курантов. По утрам специально обученный человек, «колокольный игрок», исполнял мелодии на колоколах курантов.

Изначально шпиль собора не имел громоотвода. В 1735 и 1748 годах от ударов молнии шпиль загорался. Сильный пожар от удара молнии случился с 29 на 30 апреля 1756 года и вызвал страшные разрушения – сгорели все деревянные конструкции шпиля, купол колокольни, часы, упали и разбились колокола. Восстановили колокольню лишь в 1771 году, а шпиль – в 1773. Он опять был деревянный с медными позолоченными листами (проект Б.П.Бауэра). Новая фигура ангела, схожая размерами и пропорциями с первоначальной, встала на шпиль в 1774 году. Через три года сильный ветер оторвал крылья ангела и погнул фигуру. По проекту А. Ринальди сделали нового ангела, уменьшив размеры, вес, и разместили так, что центр тяжести фигуры совпал с вертикальной осью шпиля.

В 1776 году на прежнее место установлены новые часы с курантами. Их сделал голландский мастер Оорт Красс. Сложный часовой механизм имел управление ручное и ножное, так называемые «клавиры». Теперь перезвон звучал каждую четверть часа, а полдень был ознаменован исполнением на клавире различных мелодий.

Петропавловская крепость. Часы на колокольне Петропавловского собора

Перестройка Петропавловского собора в камне началась в 1716 году. Через восемь лет здание было готово. Это базилика. Такой тип храмового здания редко встречается в России. Наши церкви, в основном, крестовокупольные. Базилика – тип раннехристианского храма, восходящий к общественным зданиям Древнего Рима.

Своды собора и барабан купола закончены в 1730 году. В барабане помещены шестнадцать картин, тематически связанных с Ветхим и Новым Заветами. Их писали А. Матвеев, А. Захаров, Д. Соловьев, Л. Федоров, В. Ярошевский. К середине XIX века они истлели и были заменены созданными заново. Оформление восточного фасада собора (аттик) перекликается с оформлением Петровских ворот. Входы в собор с западной (главной) и южной сторон отме-

чают портики. Первоначально – с мраморными колоннами и балконами, а в конце XVIII века, после пожара 1756 года, их заменили портиками строгих классических очертаний. Здание увенчала высокая фигурная крыша с двойным переломом на голландский манер.

После пожара 1756 года облик собора был изменен – на западном фасаде появилась вторая верхняя пара волют, крыша понижена и ее форма упрощена. Изменения коснулись и интерьера собора – под колокольной были расположены хоры, но после пожара крайние западные своды отделили от собора стеной, устроили притвор под колокольной и каменную лестницу на ее ярусы. С южной стороны под колокольной в 1779 году устроена отапливаемая, «теплая» церковь, освященная как придел святой великомученицы Екатерины. До XIX века весь собор не отапливался. Освещали его 8 люстр-паникадил, одну из них на токарном станке выточил сам государь Петр Алексеевич. В XIX веке эта люстра попала в Кунсткамеру, а сейчас находится в Эрмитаже. Внутри собора под арками на стенах размещались картины на сюжеты Евангелия, посвященные страстям Христовым. Интерьер собора типичен для базилики – ряды мраморных пилонов делят его на три нефа, пилястры, вделанные в стены, зрительно продолжают эти ряды мощных опор. Средний неф выводил к позолоченному иконостасу, выполненному в 1722 – 1727 годах в Москве по рисунку Трезини. Алтарь делали выдающиеся русские мастера Оружейной палаты Кремля – архитектор И.П.Зарудный, резчики Т. Иванов, И. Телега, иконы писали М.А.Меркурьев, Ф. Артемьев. Установлен он в соборе в 1729 году. Алтарная преграда выполнена в виде триумфальной арки – мотив, связанный с архитектурой Древнего Рима и получивший развитие в церковном православном искусстве. Арка высотой 20 метров перекинута над царскими вратами – входом в алтарь. Первые царские врата были сделаны из дерева и имели четыре створки. На иконостасе размещены 43 иконы, созданные в Москве и Санкт-Петербурге А. Пospelовым и Ф. Протопоповым в 1726—1729 годах. Статус кафедрального собора столицы Российской империи Петропавловский собор приобрел в царствование Анны Иоанновны ее указом от 27 июня 1731 года. Поэтому в 1732 году близ алтаря у пилон установили кафедру для пастырских проповедей, а напротив – место для императрицы (царское). И кафедра, и царское место богато украшены резьбой по дереву. Здесь проходили архиерейские служения, священники принимали сан архиепископа, митрополиты Петербурга получали рукоположение. До 1859 года Петропавловский собор был главным храмом Российской империи, потом этот статус перешел к Исаакиевскому собору.

С 70-х годов XVIII века главными службами Петропавловского собора становятся поминательные. С первых лет постройки храм стал усыпальницей Дома Романовых. Хоронить в еще деревянной церкви начали с 1708 года – малолетняя дочь Петра Екатерина открыла траурный список царской фамилии. В 1715—1725 годах здесь были похоронены еще пять маленьких детей Петра Алексеевича от второго брака, его невестки (жены старших братьев) и сестра Наталья Алексеевна. Сам Петр погребен в соборе в 1725 году вместе со скончавшейся одновременно с ним малолетней дочерью. Гроб с телом государя установили в деревянной часовне посреди строящегося собора. В мае 1731 года Анна Иоанновна велела предать земле прах дяди-императора и наследовавшей ему супруги Екатерины I. Захоронение произошло у южной стены Петропавловского собора. Надгробия из белого алебаstra установили в первой половине XVIII века. В 70-х годах того же века их заменили на более роскошные – серые мраморные, сделанные из камня, добытого под Выборгом. В обычные дни на надгробия клали чехлы из темно-зеленого или черного сукна с вензелем имени покойщегося. Золотые позументы выделяли края траурного чехла. В праздники надгробия покрывали золотой парчой с горностаем и нашитыми гербами, российскими и Дома Романовых.

В соборе находятся гробницы следующих за Петром I российских императриц и императоров до Александра III, их супругов, великих князей и княгинь. В 1998 году в Екатерининском приделе Петропавловского собора погребены останки императора Николая II, императрицы Александры Федоровны, их детей и приближенных, принявших мученическую смерть вме-

сте с российскими венценосцами. В 2006 году прах императрицы Марии Федоровны, супруги Александра III, матери Николая II перенесен, согласно ее завещанию, из Роскильского собора, усыпальницы датских королей, в Петропавловский собор.

С 90-х годов XX века в соборе регулярно проходят панихиды по российским императорам, а с двухтысячного года – остальные церковные службы.

Лепной декор в соборе выполняли И. Росси, А. Квадри, расписывали плафоны Г. Гзель, В. Ярошевский, М. Захаров и другие. В 1756—1757 годах Петропавловский собор восстановили после страшного пожара. Поврежденную фигуру ангела на шпиле отремонтировал П. Телушкин, поднявшийся наверх без лесов. Во время Великой Отечественной войны этот подвиг дважды повторил советский альпинист Михаил Михайлович Бобров – в 1941 году он маскировал, а в 1944 – демаскировал символ нашего города. Герой – наш земляк и современник, живет на Петроградской стороне Санкт-Петербурга.

В 1857—1858 годах деревянные конструкции шпиля заменены металлическими по проекту архитектора К. А. Тона и инженера Д. И. Журавского. В 1864—1866 годах вместо прежних деревянных царских врат установили бронзовые, созданные по проекту архитектора А. И. Кракау. Новые плафоны для собора написал Д. Больдини (1875—1877). В 1905 году на колокольню собора подняты новые колокола.

Петропавловский собор был и музеем воинской славы Российской империи. В XVIII веке сюда торжественно помещали трофейные знамена, ключи от городов и крепостей, взятых русскими войсками во время войн со Швецией и Турцией – главными противниками России. Впервые церемония торжественного внесения шведских знамен произошла в 1710 году после взятия Выборга. Опасность нападения шведов с тех пор не угрожала молодому Санкт-Петербургу. Ныне большая часть трофеев находится в Эрмитаже. В 1919 году собор был закрыт, с 1924 года там начал работу музей, но большинство культовых ценностей (серебряная утварь, книги, иконы, облачения священников) отдано в другие музеи. Собор пострадал во время ленинградской блокады, в 1952 году отреставрированы его фасады, в 1956—1957 годах – интерьеры, в 1954 году здание передано Музею истории города.

В 20-х годах XX века в Петропавловской крепости создан филиал музея революции. Сейчас это – историко-культурный заповедник «Петропавловская крепость – Государственный музей истории Санкт-Петербурга». В 1932—1933 годах помещения Иоанновского равелина были отданы Газодинамической лаборатории. С 1973 года там работает экспозиция «История ракетостроения и космонавтики. Газодинамическая лаборатория». Так старая крепость стала причастна к триумфу российской науки XX века – освоению космоса. В годы Великой Отечественной войны стены и здания Петропавловской крепости пострадали от фашистских артобстрелов и бомбардировок. Реставрационные работы и музеефикация невской твердыни начаты в 1951 году и продолжаются поныне. В 1957 году возобновлена традиция полуденного выстрела, существовавшая с самого начала строительства петровской фортеции. Сейчас сигнальный пушечный выстрел производится с Нарышкина бастиона, звук его слышен в исторической части Санкт-Петербурга. Большой общественный резонанс в наши дни получили раскопки петербургских археологов в ходе реставрационных работ в Петропавловской крепости. В XXI веке найден подземный ход под Иоанновским равелином, выводящий на южный берег Невы. Он предназначен для скрытой переброски солдат. Этот ход называется потерна. Сейчас там размещен современный выставочный зал.

Петропавловская крепость всегда была в центре истории нашего города. Здесь сверкали фейерверки и иллюминации в честь побед русского оружия, праздновали именины, бракосочетания, коронации императоров и членов их семей. Отмечался день вскрытия Невы ото льда и день закладки крепости, совпадающий с церковным праздником Преполовления святой Пятидесятницы – среда четвертой недели после Пасхи (с 1719 года).

И сейчас в старой крепости проводятся городские праздники, гуляния, спортивные соревнования. Летом на пляже у Невы проходят международные фестивали музыки, песчаных скульптур, кинофестивали. Красные стены крепости – естественный фон для праздников, проводимых клубами исторической реконструкции. Славянские витязи и западноевропейские рыцари опять сходятся в поединках, выясняя, чье оружие, доспехи крепче и более достоверно воссозданы. Эти поединки привлекают множество восторженных зрителей, увлеченных историей России. Музею истории нашего города в конце 2008 года исполнилось сто лет. Музейный комплекс состоит из Петропавловской крепости и семи филиалов. Здесь собрано более миллиона экспонатов, рассказывающих о трехсотлетней истории Санкт-Петербурга. На юбилейной выставке экспонируются предметы, поступившие в Музей сто лет назад. На территории Петропавловской крепости Музей располагается с 1954 года.

Музей истории Санкт-Петербурга открыл экспозицию «История тюрьмы Трубецкого бастиона», повествующую о периоде 1872—1921 годов, когда Петропавловская крепость была главной политической темницей России. В исторических стенах рассказывается об особенностях тюремного режима, условиях содержания узников и их изломанных судьбах. Страшная слава русской Бастилии, главной государевой тюрьмы, витает над Петропавловской крепостью. Здесь содержали особо важных политических заключенных, подследственных по уголовным делам, и арестованных за иные провинности – воинские, должностные. Первыми узниками крепости стали заключенные по «царевичеву делу» (февраль 1718 года). Царь Петр не пожалел свою старшую единокровную сестру Марию, первенца Алексея и вошел в историю Отечества с клеймом сыноубийцы. Судьбы Мировича, «княжны Таракановой» и сейчас поражают трагичностью, вызывают эмоциональный отклик.

В год четырехсотлетия династии Романовых (1613—2013) закончилась реставрация резного иконостаса Петропавловского собора. Из собора убрали леса. Реставрация началась в XX веке (1987—1988), но вскоре финансирование этого проекта, считавшегося тогда только произведением искусства резьбы по дереву, было заморожено. Чудо церковной архитектуры, девятнадцатиметровый иконостас по проекту Трезини, исполнил Иван Зарудный, русский архитектор. Реставрационные работы возобновились два года назад, когда необходимые средства были выделены. Главный научный сотрудник Государственного музея истории Петербурга (ГМИ СПб, директор Александр Колякин) Марина Лагунова рассказала про методы и результаты реставрации: золочение иконостаса проводилось по возрожденной аутентичной технологии XVIII века. На поверхностях иконостаса соседствуют матовые и глянцевые золотые тона. Были восстановлены утраченные детали декора иконостаса, такие как фонарь в руке архангела Гавриила. Возрожденный иконостас сейчас выглядит почти как 280 лет назад. В Петропавловской крепости в 2013 году были восстановлены Комендантская пристань и Царские комнаты, предназначенные для отдыха императорской семьи. Они расположены в галерее между самим Петропавловским собором и примыкающей к нему Великокняжеской усыпальницей. Эти залы используются как выставочные. В том же году, 12 июля, в день святых апостолов Петра и Павла, давших свои имена каменному сердцу Санкт-Петербурга, в соборе прошла торжественная панихида по 47 представителям дома Романовых, чьи надгробия находятся в соборе. Столь значимую в истории России службу провел патриарх Кирилл.

На Заячьем острове продолжаются работы по отысканию массовых захоронений жертв репрессий большевистского террора 1919—1920 годов. Уже обнаружены останки 111 человек. Среди них представители мирного населения имперской столицы из богатых слоев общества, женщины, дети. С уверенностью можно говорить об имени одного из расстрелянных. Им оказался А.Н.Рыков, потерявший ногу во время обороны Порт-Артура, герой русско-японской войны. К сожалению, узнать все имена жертв красного террора не получится, даже если поднять все расстрельные списки ЧК. Там не указано, где именно были проведены массовые казни (так считают в дирекции ГМИ СПб).

Историю Отечества надо чувствовать сердцем и душой. Так формируется личное отношение к прошлому нашей страны. Петропавловская крепость подобна кораблю, одолеваящему океан времени. В ее стенах ход истории становится зримым. Часы Петропавловского собора отсчитывают четвертый век бытия невской фортеции. Под музыку курантов хорошо бродить внутри крепостной ограды, пройти по «Улице времени», прогуляться по верху крепостных стен, любуясь великим городом, основанным неистовым царем. Он сумел воплотить в реальность свою прекрасную мечту о северном рае на берегах полноводной Невы.

«Его царское величество по взятии Шлотберга в одной миле оттуды, ближе к восточному морю, на острове новую и зело угодную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч, и тое крепость в свое государское имянование, прозванием Петербурхом, обновити указал».

БАРОЧНЫЕ ДВОРЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТРЕЛЬНЕ

Путевой дворец

Земли по южному берегу Финского залива издавна входили в состав Вотской (Водской) пятины Великого Новгорода – средневековой торговой республики. Последним новгородским владельцем территории от реки Стрельны до Поповой горы был Иван Овинов, сын посадника Захария, предавшего новгородскую независимость. Великий московский князь Иоанн III Васильевич (1462—1505) покорил новгородскую республику 15 января 1478 года. В переписной окладной книге за 1500 год описана деревня Стрельна «на реке Стрельне у моря». В XVI веке здесь располагался двор московского боярина Семена Дубасова. Во времена шведского владычества (1617—1703) побережье залива от Лигова до Ораниенбаума пожаловано королем Густавом-Адольфом (1611—1632) своему воспитателю Йохану (Юхану) Шютте вместе с титулом барона Дудергофского. Король Швеции ценил его как государственного советника, известного просветителя и подарил ему резиденцию на берегу реки Стрельны. Называлась она Стрельнахоф.

Стрелина мыза на южном берегу Финского залива была местом, где Петр I отдыхал на пути из Санкт-Петербурга в Кронштадт, когда отвоевал эти земли у шведов в ходе Великой Северной войны (1700—1721). Сначала государь останавливался в бывшей шведской мызе Стрельнахов. Уже в 1708 году здесь были устроены два больших пруда, где содержали стерлядей для царского стола. Этим рыбным хозяйством заведовал Александр Васильевич Кикин (1672—1718), сподвижник Петра I. 13 января 1711 года царь распорядился построить «скотный, и птичий двор... и пару изб для приезду». Так возникла личная усадьба Петра I, деревянный Путевой дворец (сейчас – филиал ГМЗ «Петергоф»). Он расположен в западной части Константиновского парка, современный адрес: Больничная горка, дом 2. Путевой дворец стоит на краю глинта, природного геологического уступа, протянувшегося от эстонского города Палдиски (Балтийска) вдоль южного берега Финского залива до Ладожского озера. Происхождение этого уступа не совсем ясно ученым, нашим современникам. Возможно, в эпоху последнего оледенения это был берег Древнебалтийского моря – приледникового водоема. Эта особенность местности использована при строительстве царских и великокняжеских резиденций в Стрельне, Петергофе, Сергиевке, Ораниенбауме. В середине XVIII века петровский Путевой дворец перестроил Франческо Бартоломео Растрелли.

Стрельна. Путевой дворец. Общий вид

Тогда же у дворца был разбит сад, а на нижней террасе, выходящей к морю, соорудили два фонтана. При Советской власти дворец был и больницей, и детским садом. В 90-е годы XX века интерьеры дворца отреставрированы в стиле эпохи Петра Великого (петровское барокко). Дворец и берег моря соединяет Портовая улица, а при Петре I это была прямая перспектива (прешпект), подобная Невскому проспекту. Недалеко от дворца стояла деревянная церковь Преображения Господня (1717), сгоревшая во время Великой Отечественной войны.

Стрельна. Фонтаны в саду Путевого дворца – предтеча водной феерии золотого каскада Петергофа

Побывав за границей, Петр I увидел дворцы европейских монархов. Особенное впечатление на него произвел Версаль, любимая резиденция французского короля Людовика XIV (1638—1715), старшего современника Петра Алексеевича. В 1715 году русский государь решил заложить «Русскую Версалию». Первый проект большого дворца в Стрельне Петр I обдумывал

вал еще в 1710 году. В 1712 году в Стрельне заработали кирпичные заводы. Дворец должен был встать на большой террасе, природном геологическом уступе, сложенном из известняка. От него к берегу моря будет спускаться сад с фонтанами и цветниками. Петр Алексеевич любил водную стихию, и фонтаны Версаля, взметнувшие к небу хрустальные струи, рассыпающие радужные брызги, произвели на него неизгладимое впечатление, дали импульс творческому воображению прирожденного инженера. Полностью этот замысел государя воплощен в великолепном дворцовом комплексе Петергофа: от Большого дворца к Финскому заливу ведет Морской канал с каскадом фонтанов.

Первоначальный проект «Русской Версалии» в Стрельне составили венецианец, мастер-гидравлик Доротео Алимари и садовник француз Андре Годо. Вода, то зеркально гладкая в мраморных бассейнах, то рвущаяся к небу из фонтанов посреди цветочных партеров, должна была окружить новую царскую резиденцию. Строительными работами руководил генерал-инженер Шиц, по своему проекту возведший пристань-дамбу на берегу Финского залива. Тогда же был отрыт основной резервуар для снабжения водой будущих фонтанов и каскадов. Называется он Орловский или Заводской пруд.

В феврале 1716 года Петр I встретился в Париже с флорентийским архитектором Бартоломео Растрелли (1675—1744) и приказал ему сделать объемную деревянную модель стрельнинского ансамбля. Б. Растрелли приехал в Петербург по приглашению царя, заручился поддержкой Меншикова и вместе с сыном Франческо (1700—1771) создал проект, отвергнув замысел венецианцев. Предложение Растрелли не понравилось Петру I. В июне того же года он встретился в Пирмонте с Ж.Б.Леблоном, архитектором Версаля, и провел в его обществе двенадцать дней. Французский архитектор показал царю дворцовый ансамбль Херренхаузен в Ганновере (Германия). Петр I решил, что дворец в Стрельне будет построен по образцу ганноверского, и поручил Леблону это строительство. Жан-Батист Александр Леблон (1669—1719) прибыл в Россию в чине генерал-архитектора и работал здесь до конца жизни: создал проект центра Петербурга на Васильевском острове, перестраивал Большой дворец в Петергофе, отделывал любимый дворец Петра Монплеизир, разработал проект единого ансамбля дворца и парка в Стрельне. Он раскритиковал Б. Растрелли за медленную работу и отправил Петру в Голландию свой проект ансамбля в Стрельне. Государь одобрил проект Леблona. Территория Стрельны преобразалась по проекту французского архитектора. Большой парк был создан из лесного массива, расположенного к юго-востоку от реки Кикенки. План его представляет две гигантские звезды (этуали), образованные просеками, параллельными и радиальными. По такому плану будут позднее создаваться парки при усадьбах русских дворян.

В июле 1717 года, после лечения на водах Спа (нынешняя Бельгия), царь Петр создал собственный «План города Стрелиной мызы» и письмом Меншикову отменил леблоновский проект Нижнего сада. Более подробный проект разработал итальянский архитектор С. Чиприани, но Петру он не понравился.

Весной 1718 года итальянский архитектор Николо Микетти предложил свои услуги Петру I и был принят на русскую службу. В Ревеле (Таллин) он заложил по своему проекту вместе с царем дворцово-парковый ансамбль Екатериненталь (нынешний Кадриорг), названный в честь второй супруги Петра I. По этому проекту должен был строиться и дворец в Стрельне. Микетти учел работы своих предшественников и 16 июня 1720 года заложил в Стрельне каменный дворец, окруженный террасами с каменными подпорными стенами, в которых должны были быть проведены многочисленные водометы. Петр мечтал о дворце, окруженном каскадом водяных струй, стремящихся к морю. Из дворца открывается вид на Нижний сад (парк) — важнейшую составляющую парадного дворцового ансамбля. Этот образец французского регулярного сада эпохи классицизма сохранился до наших дней. Владельцы дворца, великие князья Романовы, берегли сад как памятник деяний Петра Великого, своего предка. Композиция Нижнего сада остается неизменной в течение трехсот лет: аллеями и тремя продольными

каналами сад спускается к морю. Перед дворцом раскинулись два широких травяных газона. Они расположены по обе стороны центрального канала. Зеркальная поверхность воды каналов и бархатная зелень ухоженной травы образуют великолепный ковер, доходящий до берега моря. Своеобразное завершение сада – круглый остров с сосновой рощей, по преданию, посаженной самим Петром.

Облик дворца дошел до нас в основном таким, как его задумал Микетти. Он создан в стиле римского барокко и представляет собой четырехэтажное здание. Фасад его прорезан трехчастной аркой, сквозь нее открывается вид на море и небо. Пучки колонн обрамляют арку и поддерживают балкон на южном фасаде дворца, выходящего на большую площадь, вымощенную гранитом. Площадь ограничивают боковые флигели дворца, западный и восточный. Такая архитектурная композиция использована при строительстве дворца в Версале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.